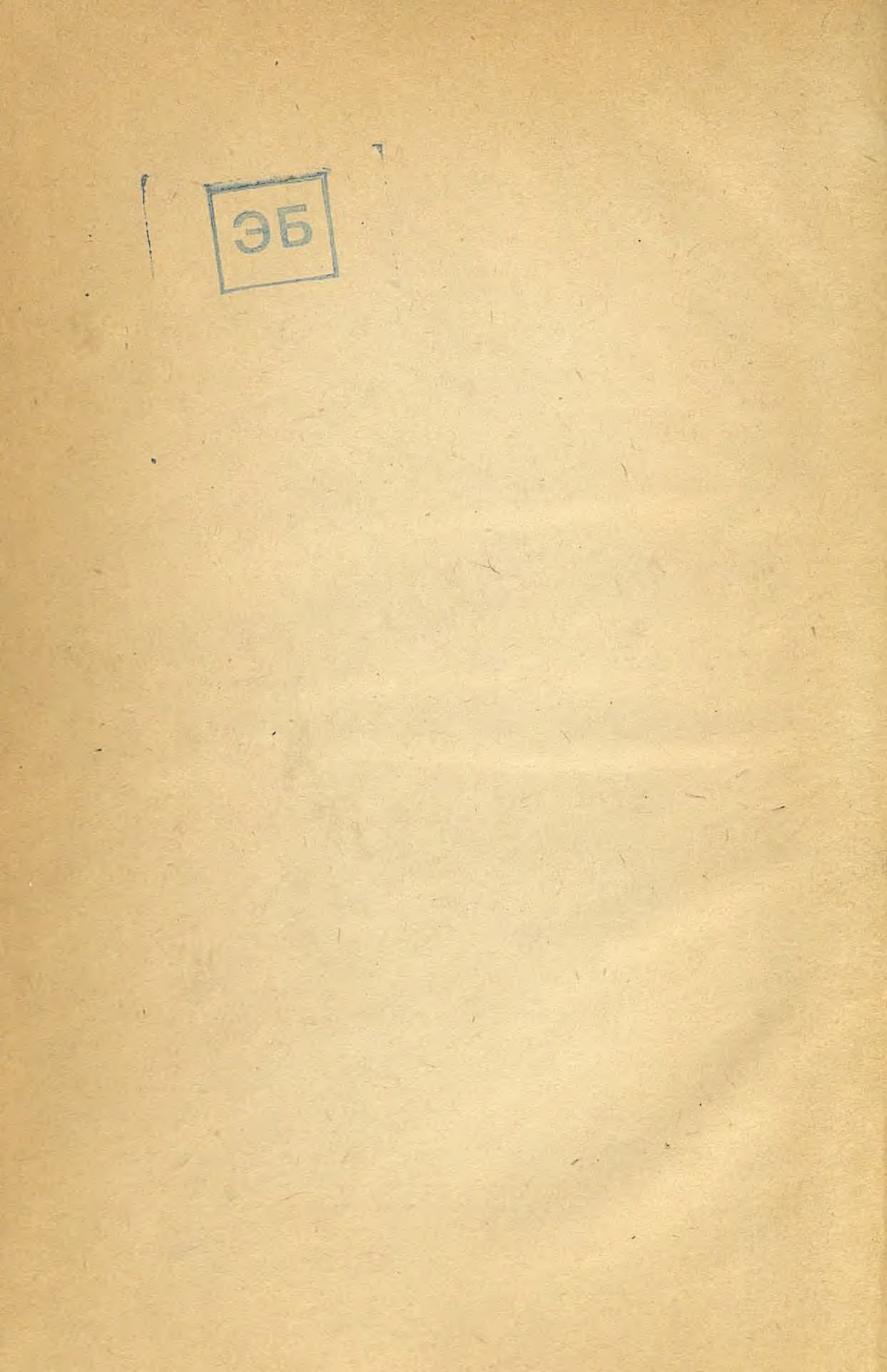
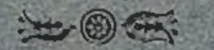

ЭБ

О НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

СОЧИНЕНІЕ

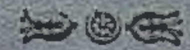
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

И. Бѣляева.

МОСКВА.

1847.

О НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

СОЧИНЕНІЕ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

И. Бѣляева.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

По опредѣленію Общества. 30-го ноября, 1846 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

О
Несторовой лѣтописи.

Любителямъ Русской Исторіи, на канунѣ дня, посвященнаго празднованію памяти Нестора, лѣтописца Русскаго, всего ближе бесѣдовать о самомъ Несторѣ. Подвижническая жизнь этаго святаго отшельника принадлежитъ Церкви, которая и причислила его къ лику святыхъ; но, кромѣ сокровенныхъ отъ насъ подвиговъ иночества, преподобный Несторъ оставилъ по себѣ безсмертный памятникъ въ своей лѣтописи, которая и будетъ предметомъ настоящей бесѣды.

Вотъ уже восемь вѣковъ читаютъ лѣтопись Нестора, восемь вѣковъ изучаютъ, передѣлываютъ ее, каждый вѣкъ по своему. Его съ жадностію читала юная Русь, предводительствуемая Мстиславами и Изяславами, волновавшаяся въ бранныхъ тревогахъ у златыхъ вратъ Кіева; имъ утѣшала себя Россія, стенавшая подъ игомъ Монголовъ; его же повѣсти перечитывала и припоминала Москва, торжествовавшая свои побѣды надъ царствами Татарскими; его же старается изучить, какъ мудрый завѣтъ древности, и нынѣшняя Россія, уже знакомая съ древнею наукою Греціи и Рима и съ современнымъ просвѣщеніемъ западныхъ государствъ Европы.

Судьба Несторовой лѣтописи стоитъ полнаго изученія. Въ первые вѣка ея существованія большая часть его продолжателей считали трудъ Нестора неприкосновенною святынею и безъ перемѣнъ вносили его въ свои продолженія; лучшимъ свидѣтельствомъ тому служатъ списки: Лаврентіевскій, Ипатіевскій, Кенигсбергскій и Троицкій, въ которыхъ, если и есть вставки изъ другихъ источ-

никовъ, но тѣмъ не менѣе основный текстъ Нестора остался почти вездѣ неприкосновеннымъ. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, когда начали составляться, такъ называемые, лѣтописные сборники или энциклопедіи Русскаго бытописанія, текстъ Нестора подвергся большимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и пополненіямъ; впрочемъ, какъ святая истина, онъ не затерялся и въ этомъ наплывѣ нововведеній; это каждый можетъ видѣть въ спискахъ Никоновскомъ, Воскресенскомъ и подобн. Осмнадцатый и начало нынѣшняго вѣка, пораженные несообразностію новыхъ вставокъ и передѣлокъ, принялись очищать Несторовъ текстъ ножемъ исторической критики, и одни изъ очищателей взялись за это дѣло добросовѣстно и съ глубокою ученостію, но, къ сожалѣнію, они не были достаточно знакомы съ древнею литтературою Руси, и потому, по необходимости, должны были опираться только на иностранныхъ свидѣтельствахъ, и увлекшись нѣкоторыми, напередъ заданными себѣ, положеніями, счищая непринадлежащіе Нестору наплывы, едва не счистили и самаго Нестора; другіе, желая блеснуть новизною, ударились въ невѣжественный скептицизмъ, и часто, даже не читая самаго Нестора, и вообще почти не имѣя никакого знакомства съ Русскою древнею литтературою, принялись судить и вкось, и вкривь, и торжественно рѣшили, что вся лѣтопись Нестора — басня и позднѣйшая выдумка; наконецъ, добросовѣстность, истинно ученыхъ побѣдила, и Несторъ, какъ истина, восторжествовалъ; его текстъ теперь безспорно можно принять основою исторіи первыхъ вѣковъ Русскаго государства.

Причина, по чему лѣтопись Нестора не затерялась въ продолженіи столькихъ вѣковъ и не уничтожилась подъ ножемъ исторической критики, доходившей до скептицизма, заключается во внутреннемъ достоинствѣ лѣтописи. Несторъ, при несомнѣнномъ дарѣ авторства, глубже и лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ настоящую обязанность лѣтописателя, и выполнилъ ее умно и добросовѣстно. Онъ описалъ намъ древнѣйшую Русь безъ прикрасъ и умствованій, именно такъ, какъ ее понимали ближайшіе потомки, которые наизустъ помнили всѣ важнѣйшія событія своей старины и, можно сказать, жили еще подъ ихъ вліяніемъ, а потому были лучшими и вѣрнѣйшими ихъ живописцами; онъ сохранилъ важнѣйшія преданія своего времени во всей ихъ простотѣ и безъискуственности; онъ нигдѣ не рѣшался ни на произвольныя украшенія событій, ни на вставки, ни на дополненія, которыя

такъ удобны и соблазнительны при описаніяхъ туманной древности; у него вездѣ слѣды неподдѣльной истины и свѣтлаго ума, для котораго правда всего дороже на свѣтѣ. Чѣмъ больше мы изучаемъ Нестора и углубляемся въ исторію описываемаго имъ времени, тѣмъ больше и больше убѣждаемся въ достовѣрности и правильности его повѣствованія, тѣмъ болѣе открываемъ слѣдовъ глубокаго и многосторонняго знанія описываемаго предмета въ этомъ мудромъ отшельникѣ, который, кажется, для того только и удалился отъ суетъ міра, чтобы свободнѣе наблюдать за событіями горячо любимой родины. И послѣ сего очевидно, почему лѣтопись Нестора пережила столько вѣковъ; она переживетъ тысящелѣтія; она безсмертна, какъ голосъ истины; въ ней мы видимъ древнюю Русь какъ бы предъ глазами: это не слѣпокъ печати безъ тѣней и красокъ, это именно живое отраженіе въ зеркалѣ, удержанное мудрецомъ на память позднѣйшимъ потомкамъ и на судъ вѣковъ и народовъ.

Чтобы увѣриться въ достоинствѣ Несторовой лѣтописи, я предлагаю здѣсь обзоръ этого безсмертнаго творенія съ нѣкоторыми замѣчаніями и объясненіями, необходимыми для удобнѣйшаго ея разумѣнія.

Несторъ начинаетъ свою лѣтопись словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля.“ Это начало показываетъ, что онъ, по обычаю всѣхъ лѣтописцевъ своего времени, хотѣлъ вести исторію отечества отъ перваго разселенія человѣческаго рода по землѣ, но, не имѣя отечественныхъ преданій космографіи, или предпочитая имъ современную космографію Византійцевъ, знаменитыхъ тогда своею образованностію, онъ принялъ, кажется, космографію Георгія Амартола, знакомую ему въ Греческомъ подлинникѣ, или въ Болгарскомъ переводѣ; впрочемъ, недовольный ею въ предметахъ, ближайшихъ къ нему и болѣе знакомыхъ, онъ пополнилъ ее своими извѣстіями.

Несторовы дополненія Георгіевой космографіи, начинающіяся съ словъ: „До Понетьскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ и Кавкасинскія горы, рекше Угорски“, и проч., дышатъ неподдѣльною современностію и обличаютъ въ Несторѣ просвѣщенную Геродотовскую любознательность; здѣсь ясно виденъ самостоятельный писатель, а не безъотчетный компиляторъ предшественниковъ. Его географическія и этнографическія извѣстія о современной ему Европѣ заслуживаютъ полное изученіе; посмотрите,

какъ правильна и стройна его картина Европы, и какъ блѣдна и безпорядочна предъ нею космографія Византійца: одинъ безъ сознанія толкуетъ о давно уже изчезнувшихъ Колхидѣ, Молосахъ, Локрахъ, Сарматахъ, Тавріанахъ и Скифахъ, обратившихся въ одни пустыя названія безъ предметовъ; другой разсказываетъ живо и стройно о теченіи Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Десны, Припети, Двины, Волхова и Волги, которыя еще и теперь знакомы намъ подъ именами, отмѣченными въ лѣтописи; потомъ говоритъ о племенахъ и народахъ: „Ляховеже и Пруси, Чудь присѣдятъ къ морю Варяжскому.“ Развѣ это не Балтійская Померанія, развѣ мы не найдемъ тамъ и теперь потомковъ древнихъ Прусовъ, Ляховъ и Чуди? Или вотъ конецъ описанія; Несторъ говоритъ: „Римляне, Нѣмцы, Карлязи, Вендицы, Фрягове и прочіи; даже присѣдятъ отъ запада къ полуденью, и сѣдятся съ племенемъ Хамовымъ.“ Какъ здѣсь виденъ самостоятельный писатель XII вѣка! У него на юго-западѣ Европы потомки Афета сосѣдятъ съ потомками Хама; стоитъ заглянуть только въ Западно-Европейскую исторію того времени, и намъ явятся Япетиды - Испанцы, живущіе бокъ о бокъ съ Хамитами-Маврами на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Сдѣлавши очеркъ космографіи, Несторъ переходитъ къ исторіи Славянъ: „Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска,“ и пр. Какъ вѣрно это показаніе! Мы не знаемъ, откуда взялъ его Несторъ, но, очевидно, оно сказано не на обумъ. Послѣ глубокаго изученія всѣхъ древнихъ писателей, Шафарикъ ясно доказалъ, что древнѣйшія жилища Славянъ были по Дунаю. Несторъ не могъ узнать этого у Византійцевъ, которые сами не знали; мы не смѣемъ также утверждать, чтобы этотъ инокъ Печерскій изучалъ Геродота, Цезаря, Плинія и Тацита; стало быть, это самостоятельное свидѣтельство, чистое древнее Славянское преданіе о первобытной родинѣ, сохранившееся въ памяти народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, которое и теперь еще слышится въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ звучитъ припѣвъ: „*Дунай нашъ, Дунай!*“ И это сказаніе тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе (ибо оно свидѣтельствуетъ о неподдѣльной истинѣ), и тѣмъ болѣе мы должны благодарить безсмертнаго Нестора, позаботившагося сохранить эту драгоцѣнность и передать ее намъ въ натуральной простотѣ безыску-

ственныхъ украшеній и вымысловъ. Много ли мы найдемъ лѣтописцевъ и историковъ, которые бы такъ ясно понимали всю важность простоты? „По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска.“ Такъ и слышится тутъ родное преданіе, какой-то грустный голосъ народа о потерянной родинѣ, голосъ, не затерявшійся въ вѣкахъ!

Далѣе у Нестора идетъ: „Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдошя на рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Морава; а друзіи Чеси нарѣкошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь, и Хорутане.“ Какъ знакомы эти имена, сколько правды въ этомъ, видимо простомъ, перечисленіи! Это—первобытныя племена Славянскія, самые древніе старожилы! Гдѣ найдемъ указаніе болѣе стройное и отчетливое объ этомъ предметѣ? Кто намъ дастъ классификацію Славянскихъ племенъ болѣе вѣрную и подробную? А вотъ и второй слой Славянъ, позднѣйшее отдѣленіе отъ главнаго корня: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ; Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове же друзіи Лутичи, иніи Мазовшане, ини Поморяне.“ Здѣсь преданіе даже отмѣтило время отдѣленія втораго слоя Славянъ; оно, по словамъ Нестора, произошло въ слѣдствіе нападенія Волоховъ; Волохами же у Славянскихъ племенъ называются Кельты, какъ это превосходно доказалъ Шафарикъ. Слѣдовательно, отдѣленіе втораго слоя произошло во время движенія Кельтическихъ народовъ, которое движеніе намъ уже извѣстно изъ Римскихъ историковъ.

Важнѣйшее извѣстіе для Русской исторіи заключается въ описаніи отдѣленія третьяго слоя Славянъ, который первоначально вошелъ въ составъ Рускаго государства; отдѣленіе это произошло вскорѣ послѣ втораго, въ слѣдствіе того же движенія Кельтическихъ народовъ. „Такоже и ти Словѣни, пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарѣкошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша между Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже течетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане: Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарѣкоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи,

и по Сулѣ и нарѣкошася Сѣверъ. Тако розидеся Словѣньскій языкъ." Это — первые Славянскіе поселенцы въ Россіи, главные ея старожилы; они особенно, кажется, заслуживаютъ вниманіе въ этомъ отношеніи, что изъ нихъ образовались знаменитыя во время удѣловъ княженія: Кіевское, Новгородское, Черниговское, Галицкое и Полоцкое. Различіе этихъ коренныхъ племенъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать, что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система. Это движеніе Славянскихъ племенъ съ Дуная, по Нестору, слѣдовательно, и на самомъ дѣлѣ, было послѣднее. Несторъ именно здѣсь заключаетъ разселеніе Славянъ: „Такъ розидеся Словѣньскій языкъ."

Описавши общія первоначальныя разселенія Славянъ съ Дуная, Несторъ переходитъ къ топографіи новаго отечества Дунайскихъ переселенцевъ на Руси: „Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и въ верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и потому морю ити до Рима, а отъ Рима прити потому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, и идеть на полунощье, и внидеть въ море Варяжьское; изъ того же лѣса потече Волга на въстокъ, и втечеть семьдесять жерелъ въ море Хвалисьское. Тѣмъ же изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы на въстокъ, доити въ жребій Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, изъ Рима до племени Хамова." Вотъ онъ Austur-vigi Скандинавовъ. Это свидѣтельство Нестора особенно важно потому, что оно намекаетъ на хорошее знакомство Русскихъ съ этимъ много-вѣтвистымъ торговымъ путемъ, соединявшимъ разные края Европы съ Азіею, и доказываетъ, что этотъ путь былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности; въ подтвержденіе чего Несторъ далѣе приводитъ древнѣйшее ему знакомое путешествіе Апостола Андрея: „А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему жъ училъ Св. Андрей, братъ Петровъ" и проч. Это видимо простое Несторово извѣстіе о большомъ торговомъ пути, издревлѣ проложенномъ чрезъ наше отечество, за-

ключаетъ въ себѣ всемірную, глубоко-историческую, истину; оно доказываетъ о непрерывности торговыхъ сообщеній въ этой сторонѣ, отъ временъ Геродота до Нестора.

Окончивши топографію новаго отечества Дунайскихъ переселенцевъ на Русь, Песторъ переходитъ къ ихъ доисторическимъ древностямъ и разсказываетъ, что переселенцы сіи образовали въ новомъ своемъ отечествѣ разныя независимыя другъ отъ друга владѣнія: „Держати почаша родъ ихъ Княженіе въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, то же Сѣверъ отъ нихъ." Здѣсь мы видимъ не только какія отдѣльныя владѣнія образовались у нашихъ Славянъ, но даже и границы каждаго владѣнія; это указаніе такъ необходимо для последующей нашей исторіи, что безъ него, при раздробленіи княжествъ, мы никакъ не могли бы избѣгнуть запутанности. Далѣе Несторъ описываевъ Славянскихъ сосѣдей на Руси, не принадлежавшихъ къ ихъ племени: „А се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь; си суть свои языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ." Тутъ же излагаетъ и топографію сихъ инородцевъ: „на Бѣлѣозерѣ сѣдитъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу Мурома, языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ." Это свидѣтельство Нестора, по своей ясности и опредѣленности относительно доисторическихъ древностей Руси, заслуживаетъ полную вѣру каждаго ученаго; многія жилища племенъ, указанныя Несторомъ, и теперь еще заняты тѣми же племенами, другія же, хотя уже принадлежатъ инымъ поселенцамъ, но тѣмъ не менѣе добросовѣстныя изслѣдованія ученыхъ открываютъ ихъ принадлежность племенамъ, замѣченнымъ у Нестора. Чѣмъ болѣе углубляются ученые въ историческія изслѣдованія о древнѣйшихъ племенахъ нашего отечества, тѣмъ яснѣе становится истина сказаній Несторовыхъ.

За изложеніемъ доисторическихъ Славянскихъ древностей на Руси, Несторъ, въ послѣдній разъ, обращается къ первобытной Славянской родинѣ, — къ Дунаю: „Словенску же языку, яко же

рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Казаръ, рекоміи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насельницы Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску; си бо Угри почаша быти при Ираклія Цари, иже ходиша на Хоздроя Царя Перьскаго. Въ сиже времена быша Обри, ходиша на Праклія Царя и мало его не яша; сиже Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насиліе творяху женамъ Дулѣбьскымъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въ прячи 3 ли, 4 ли, 5 ли, женъ въ телѣгу и повести Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обърииъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка. По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ." Эта статья о движеніи народовъ къ Дунаю, кажется, неполна и не выдержитъ строгой критики; въ ней не упоминается ни о Готфахъ, ни о Гуннахъ, ни о другихъ народахъ, волновавшихъ Европу послѣ Кельтовъ. Но тѣмъ не менѣе она остается замѣчательнымъ указаніемъ, какъ самостоятельное свидѣтельство, въ сущности своей почерпнутое Несторомъ не изъ книгъ, а изъ народнаго преданія. Память народа могла многое утратить; она удерживаетъ и сохраняетъ потомству только то, что оставляетъ самое сильное и продолжительное впечатлѣніе на духъ народа. Слѣдовательно, исчисленныя Несторомъ движенія народовъ къ Дунаю особенно были важны для Славянъ и оставили по себѣ память, сохранившуюся въ вѣкахъ. Разсматривая ближе это извѣстіе Нестора, мы находимъ, что онъ имѣлъ здѣсь два источника, народное преданіе и Византійскія лѣтописи. Основою сказанія, очевидно, было преданіе; изъ Византійскихъ же лѣтописей Несторъ почерпнулъ только обстоятельства, способствовавшія къ объясненію времени описываемыхъ народныхъ движеній: таковыя обстоятельства суть: „*Сибо Угри быша при Иракліи Цари, иже ходиша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ сиже времена быша и Обри, ходиша на Праклія царя, и мало его не яша;*" а также выраженіе: „*придоша отъ Скуѳъ.*" Все же остальное явно почерпнуто изъ народнаго преданія; ибо ни производство Болгаръ отъ Козаръ; ни насиліе Обровъ Дулѣбамъ, не могли быть переданы потомству ни кѣмъ другимъ, кромѣ Славянъ; а слова Нестора: „*есть притъча въ Руси и до сего*

дне: погибоша аки Обръ," ясно свидѣтельствуютъ, что преданія сіи были хорошо знакомы Рускимъ Славянамъ, и что Несторъ бралъ ихъ не съ Дуная, не съ Вислы, а съ Днѣпра; въ противномъ случаѣ онъ не могъ такъ явно обманывать своихъ современниковъ, что у нихъ есть притча объ Обрахъ, если бы се не было въ самомъ дѣлѣ.

Потомъ Несторъ опять обращается къ Славянскимъ племенамъ на Руси, и уже не оставляетъ ихъ до самаго 852 года по Р. Х. Описавши послѣднее переселеніе Славянскихъ племенъ за Днѣпръ изъ Польши, подъ предводительствомъ Радима и Вятки, онъ подробно разсказываетъ объ образѣ жизни и обычаяхъ разныхъ Славянскихъ племенъ на Руси, и тутъ же, какъ бы въ параллелѣ, приводитъ свидѣтельство Георгія Амартола объ обычаяхъ другихъ народовъ. Эта статья служитъ превосходнымъ дополненіемъ къ доисторическимъ Славянскимъ древностямъ, и даетъ вѣрное понятіе о характерѣ разныхъ Славянскихъ племенъ, въ послѣдствіи вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, и притомъ намекаетъ, что еще во время Нестора нѣкоторыя изъ нихъ сохраняли свои прежнія обыкновенія: „Яже творятъ Вятичи и нынѣ."

За описаніемъ характеристики у Нестора непосредственно начинается собственно исторія Приднѣпровья описаніемъ тамошнихъ раздоровъ между племенами и нападенія Хазаръ на эту страну, которые и покорили Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей. Здѣсь Несторъ народное преданіе о завоеваніяхъ Хазаръ пополнилъ сравненіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ съ церковнымъ преданіемъ о томъ, какъ Моисей былъ приведенъ предъ Фараона и какъ старѣйшины Египетскіе сказали, что Моисеемъ будетъ смиренъ Египетъ.

Отъискавши въ Византійскихъ лѣтописяхъ первое достовѣрное Руское произшествіе, опредѣленно отмѣченное годомъ Византійской хронологіи, Несторъ немедленно приступаетъ къ составленію Хронологической таблицы для всей своей лѣтописи и оканчиваетъ ее годомъ кончины Великаго Князя Святополка Изяславича: „Въ лѣто 6360 индиктъ 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царь-Городъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречестѣмъ: тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ. Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242, а отъ потопа до Аврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до изхоженья Моисѣе-

ва лѣтъ 430; и отъ исхоженья Моисѣева......... А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго Князя лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8; а Володимиръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, что ся удѣя лѣта си." Это свидѣтельство прямо указываетъ, что Несторъ началъ писать свою лѣтопись не раньше какъ въ княженіе Владиміра Мономаха, ибо при жизни Святополка, естественно, онъ не могъ доводить своей хронологической таблицы до кончины сего Великаго Князя и говорить, что „отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60." Или, по крайней мѣрѣ, окончаніе таблицы написано авторомъ по смерти Святополка. Въ этой таблицѣ встрѣчается одно замѣчательное недоумѣніе: почему Несторъ не выставилъ въ ней годъ прибытія Рюрика къ Славянамъ Новгородскимъ, а началъ прямо первымъ годомъ княженія Олега? На это можно дать только одинъ отвѣтъ: Несторъ писалъ Кіевскую, а не Новгородскую лѣтопись; Рюрикъ же не владѣлъ Кіевомъ, слѣдовательно и годъ его прибытія къ Славянамъ Новгородскимъ, естественно, не входитъ въ Кіевскую Хронологію. Это подтверждаетъ и самая таблица; ибо въ ней выставленъ первый годъ Олегова княженія не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ. Олегъ сдѣлался преемникомъ Рюрика въ Новѣгородѣ въ 6387 году, который годъ равняется 27 году отъ 1го года царствованія Михаила; въ таблицѣ же сказано: „отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова Рускаго Князя лѣтъ 29," слѣдовательно, первый годъ Олегова княженія относится къ 6390 году, именно, къ тому самому, въ который онъ убилъ Аскольда и Дира и завладѣлъ Кіевомъ.

Въ слѣдъ за таблицею, чтобы не сбиться въ числахъ, Несторъ ставитъ девять числъ лѣтъ, изъ коихъ первымъ пяти не имѣетъ еще произшествій; къ 6му, т. е., къ 6366 пріурочиваетъ крещеніе Болгаръ, къ седмому дань Варяжскую и Казарскую, съ Славянскихъ племенъ въ нашей сторонѣ; для осмаго и девятаго опять не имѣетъ произшествій, и, наконецъ, съ десятаго, т. е., съ 6370 (862), начинаетъ собственно Рускую исторію призваніемъ Варяговъ-Руси къ Славянамъ Новгородскимъ или Ильменскимъ.

Начиная собственно Рускую исторію, Несторъ, прежде всего, опредѣляетъ, изъ какихъ племенъ составилось Русское Государство первоначально и въ какомъ состояніи находились эти племена. По словамъ его, Русское Государство первоначально составилось изъ племенъ туземныхъ и пришлыхъ. Туземныя племена одни принадлежали къ Финскому поколѣнію, съ незапамятныхъ временъ поселившемуся въ Сѣверныхъ краяхъ нашего отечества, таковы: Чудь, Меря и Весь, топографія которыхъ уже описана прежде; другія составляли третичный слой Славянскаго рода, вышедшій изъ Придунайскихъ странъ въ слѣдствіе движенія Кельтовъ: они были собственно Славяне Ильменскіе или Волховскіе, и Кривичи, жившіе при верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги; пришлое же племя составляли Русь одноплеменные съ Шведами, Норвежцами, Англичанами и Готами, собственно жители Скандинавскаго полуострова, извѣстные у Западныхъ писателей подъ именемъ Нормановъ, а у насъ подъ именемъ Варяговъ: „Сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко же се друзіи зовуться Свое, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и си.“ Исторія этого пришлаго племени Несторъ или не знаетъ, или не считаетъ нужнымъ говорить о ней. Означая же состояніе туземныхъ племенъ предъ временемъ приглашенія пришельцевъ, говоритъ, что за два года до этого времени какое-то изъ Варяжскихъ племенъ приходило брать дань на Чуди, Славянахъ, Мери, Веси и Кривичахъ; потомъ туземцы выгнали пришельцевъ и стали управляться сами собою: „И почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобици и воевати почаша сами на ся.“ Но, утомленные распрями, они рѣшились пригласить къ себѣ посредника и правителя: „Рѣша сами въ себѣ поищемъ собѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву... И идоша за море къ Варягамъ къ Руси..... Рѣша Руси Словѣни, Чудь и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами. И изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша старѣйшій Рюрикъ сѣдъ въ Ладозѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци: ти суть людіе Ноугородьци отъ рода Варяжска, прежѣ бо бѣша Словѣни.“

Это призваніе Вараговъ-Руси есть самое темное мѣсто изъ всей Несторовой лѣтописи; и не мудрено объяснить причину такой

темноты: Несторъ былъ Кіевлянинъ, жилъ слишкомъ черезъ 200 лѣтъ послѣ этого событія; призваніе Варяговъ-Руси принадлежало, собственно, къ Новгородской исторіи, а онъ писалъ Кіевскую лѣтопись, и о Новгородскихъ дѣлахъ вездѣ говоритъ вскользь, и то только по необходимой связи съ исторіею Кіева. Но, при всей краткости и видимой темнотѣ, это описаніе вѣрно предмету; въ немъ весь недостатокъ въ недомолвкахъ; въ неправильности же и несообразности съ послѣдующею исторіею Новгорода Нестора здѣсь обличить нельзя. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ начала Новгородскихъ лѣтописей, которымъ собственно принадлежало это произшествіе; кажется, Москва съ намѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить эту историческую драгоцѣнность; и потому, для объясненія настоящаго событія, мы, по необходимости, теперь должны довольствоваться одними соображеніями Нестерова описанія съ послѣдующею исторіею. Вотъ они: Несторъ говоритъ, что въ призваніи Руси участвовали Чудь, Словѣне и Кривичи; когда же Русскіе Князья, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, пришли по приглашенію, то Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣ-Озерѣ, Труворъ въ Изборскѣ; потомъ, по смерти братьевъ, Рюрикъ роздалъ области своимъ мужамъ, кому Ростовъ, кому Муромъ, кому Полоцкъ. А по сказанію самаго же Нестора на Бѣлѣ-Озерѣ жила Весь, въ Ростовѣ Меря, въ Муромѣ Мурома, которые у Лѣтописца не помѣщены въ числѣ участниковъ призванія; и напротивъ у Чуди, которая участвовала въ призваніи, лѣтопись не помѣщаетъ ни Князя, ни Княжаго мужа; и притомъ у Кривичей и у Славянъ Ильменскихъ Русь занимаетъ только Ладогу, Изборскъ и Полоцкъ, прочіе же города по верховьямъ Днѣпра, Двины и Волги и по Волхову оставляетъ не занятыми. Чудь здѣсь нельзя принять общимъ родовымъ названіемъ Мери, Веси и Муромы; ибо Несторъ вездѣ отличаетъ ее отъ сихъ послѣднихъ, на пр.; „А се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Литва, Зимигола, Корсь," и пр., или при извѣстіи о первой Варяжской дани: „Имаху дань Варязи изъ за моря на Чуди, и на Словѣнехъ, на Мери, на Вѣхъ (вѣроятно Веси), Кривичѣхъ." Что все это значитъ? Какимъ образомъ Русь не поселяется между приглашавшими племенами и безъ войны занимаетъ мѣста, вовсе не участвовавшія въ приглашеніи? Какъ объяснить эту несообразность, которая увеличивается еще болѣе, когда Несторъ далѣе говоритъ, что отъ тѣхъ Варяговъ-Руси, Новгородци прозвались Рускою землею? Какъ это случи-

лось, что Русью назвались Новгородци, у которыхъ не сидѣло ни Русскаго Князя, ни Княжаго мужа, а не Ладожане, не Бѣлозерцы, не Изборгцы, у которыхъ поселились Русскіе Князья? Но всѣ сіи несообразности уничтожаются однимъ разомъ, если предположить, что Русь приглашали не три народа, а одинъ народъ Новгородцы, которые частію завоеваніями, частію торговыми связями привели въ зависимость отъ себя весь Сѣверо-Западный край нынѣшняго Русскаго государства. Это призваніе чужеземнаго Князя и предшествовавшіе мятежи такъ были обыкновенны въ послѣдующей исторіи Новгорода, что противъ нихъ спорить нельзя. Тоже должно сказать и о другихъ, соприкосновенныхъ обстоятельствахъ, описанныхъ Несторомъ. Лѣтопись не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Весь, Мерю, Мурому, между тѣмъ какъ пришельцы Русь поселились въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были безпрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Словѣне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: „*и отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци.*" Далѣе, Русскіе Князья заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились Русскіе Князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода.

Далѣе раждается вопросъ: Зачѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ Князей? но на это отвѣчать уже не трудно; Несторъ прямо и опредѣлительно говоритъ: „Рѣша сами въ себѣ, поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву," или въ другихъ спискахъ: „рядилъ по ряду." А потомъ приглашатели у него говорятъ: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣти нами."

Противъ такого яснаго свидѣтельства лѣтописи спорить нельзя, да и нѣтъ никакой нужды; ибо и во всей послѣдующей исторіи безпокойные Новгородцы постоянно нуждались въ постороннихъ посредникахъ въ ихъ спорахъ; и всѣ послѣдующіе Князья Новгородскіе были не больше, какъ судьи въ народныхъ разпряхъ, княжившіе на извѣстныхъ условіяхъ, по которымъ они пользовались только опредѣленными доходами, не касаясь ни до внутренней администраціи Государства, ни до сношеній съ сосѣдями, которыя опредѣлялись народнымъ вѣчемъ и были въ вѣдѣніи чиновниковъ, избираемыхъ народомъ. Свидѣтельствомъ сему служитъ любая дошедшая до насъ договорная Новгородская грамота, которыя, хотя не возходятъ далѣе XIII вѣка, но вездѣ ссылаются въ своихъ правахъ на древнѣйшія грамоты и на исконный обычай Новгорода *по старинѣ и по пошлинѣ*. Здѣсь можетъ родиться вопросъ: какимъ образомъ въ Новгородскихъ Князьяхъ признать только одну судебную власть, когда они предводительствовали и Новгородскими войсками, чему лѣтопись и исторія представляютъ много примѣровъ? Конечно, Князья предводительствовали и войсками, но власть предводителя войскъ у нихъ проистекала изъ власти судьи. Какъ въ мирное такъ, и въ военное время Новгородцы нуждались въ постороннемъ посредникѣ, который бы покрывалъ собою всѣ ихъ домашніе родовые расчеты. Ежели разные концы и улицы Новгорода не могли ужиться въ согласіи между собою и покоряться своимъ властямъ во время мира, то тѣмъ труднѣе было водворить согласіе и подчинить ихъ одному начальнику изъ ихъ же среды во время войны; а посему, естественно, Князь, какъ верховный примиритель всѣхъ споровъ во время мира, дѣлался, по тому же самому праву, и начальникомъ на войнѣ. Новгородцы всѣхъ концевъ или родовъ боялись подчиниться кому либо изъ своихъ граждапъ, естественно принадлежавшему къ одному какому либо роду; ибо такимъ бы образомъ родъ его возвысился и усилился къ явному униженію другихъ, — и тѣмъ больше во время войны; при томъ начальники другихъ родовъ, считая себя равными главному начальнику, легко могли не повиноваться его приказаніямъ въ самыхъ критическихъ случаяхъ войны. Чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, оставалось одно средство: ввѣрять главное начальство надъ войскомъ тому же лицу, которое примиряло и судило ихъ разпри во время мира, т. е., Князю, который, своимъ главнымъ началь-

ствомъ, примирялъ всѣ роды, не оскорбляя ни одного, и притомъ помогалъ народу своею воинственною дружиною. Ввѣряя главное начальство надъ войскомъ чужеродному Князю, Новгородцы ничѣмъ не рисковали; ибо Князь былъ очень слабъ противъ всѣхъ родовъ, слѣдовательно, не могъ стѣснить власти народа, который смотрѣлъ на него, какъ на чужеродца, и повиновался по своей волѣ, не снимая съ себя ни права, ни возможности, отложить повиновеніе, въ случаѣ нужды. Начальство Князя надъ войскомъ не придавало ему никакой особой власти, кромѣ той, которую онъ имѣлъ въ мирное время, т. е., власти судьи и примирителя. Новгородцы охотно повиновались всѣмъ его военнымъ разпоряженіямъ, шли за нимъ въ огонь и воду; но только тогда, когда уже война была рѣшена общимъ приговоромъ вѣча; произвольно же начинать войны онъ не могъ, или въ такомъ случаѣ ему никто не повиновался; даже и въ войнахъ, рѣшенныхъ вѣчемъ, Новгородцы часто оставляли своего Князя, находя его разпоряженія неудовлетворительными или невыгодными для нихъ; и, въ такомъ случаѣ, они спокойно возвращались домой, каковыхъ примѣровъ Новгородская исторія представляетъ очень много.

Коротко разсказавши исторію призванія Руси въ Новгородъ, Несторъ спѣшитъ къ собственно Кіевской исторіи, къ своему главному предмету: „И бяста у него (у Рюрика) два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царю-городу съ родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упращаста, рѣста: чій се градокъ? они же рѣша: были суть три братья, Кій, Щекъ и Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань Казаромъ. Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги скуписта, и начаста володѣти Польскою землею. Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.“ Потомъ описываетъ Аскольдовъ походъ въ Грецію, описанный и у Византійцевъ, которые, очевидно, здѣсь были источникомъ извѣстій и для Нестора; ибо во всемъ разсказѣ нѣтъ и тѣни народнаго преданія; все показываетъ явные слѣды книги, а не живой рѣчи; это просто сокращенный переводъ изъ Хронографа Георгія Амартола, какъ доказываетъ и самое сравненіе перевода съ подлинникомъ. Далѣе, Несторъ, обращаясь къ общей Славянской исторіи, упоминаетъ о крещеніи Болгаръ, вѣроятно, по Болгарскимъ лѣтописямъ; потомъ, для связи, говоритъ о смерти Рюрика и о передачѣ правленія Олегу за малолѣтствомъ Рюрикова сына, Игоря. Это обстоятельство, какъ Новгородское,

упомянутое Несторомъ вскользь, представляетъ большую важность для обще-Русской исторіи. Рюрикъ передалъ княженіе, мимо малолѣтнаго сына, родственнику своему, Олегу, вѣроятно, потому, что Новгородцы требовали себѣ взрослаго Князя; что доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти всегда старались удалить малолѣтныхъ Князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ разпряхъ. А можетъ быть здѣсь дѣйствовали и понятія того времени объ опекѣ, что увидимъ послѣ.

Смерть Рюрика и передача правленія Олегу были у Нестора послѣдними, чисто Новгородскими событіями, о которыхъ онъ упомянулъ, по необходимой связи съ Кіевскою исторіею; далѣе онъ совершенно переходитъ къ Кіевскимъ происшествіямъ, и, не сказавши ни слова о Княженіи Олега въ Новгородѣ, пишетъ прямо: „Въ лѣто 6390 поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужи свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любецъ и посади мужь свой. Придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита, похорони вои въ лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ придѣ, нося Игоря дѣтьска.......... И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору и погребоша и на горѣ..... Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: Се буди мати градомъ Рускимъ. Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью.“ Изъ этого разсказа мы видимъ, что Олегъ пошелъ отъ Новгородцевъ безъ ссоры; ибо ему сопутствовали, кромѣ Варяговъ, воины Чуди, Словѣнъ Ильменскихъ, Мери, Веси и Кривичей; въ случаѣ же ссоры съ Новгородцами, онъ бы ушелъ только съ своими Варягами. Остановка Олега въ Кіевѣ и названіе этого города матерью градовъ Рускихъ указываетъ, что Олегъ дорожилъ выгодами Кіевской мѣстности, лежавшей на пути въ Константинополь. И можетъ быть Кіевъ не былъ ли цѣлію похода еще въ Новгородской землѣ; а сопутствіе Олегу Славянъ, Кривичей, Мери и другихъ Новгородскихъ данниковъ или союзниковъ дозволяетъ думать, что Новгородцы сами навели Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь торговыя выгоды изъ занятія Кіева, лежавшаго на пути въ Константинополь. Точно также они поступали и послѣ: такъ для нихъ Глѣбъ Святославичь воевалъ въ Заволочьѣ, другіе Князья на прибрежьѣ Балтійскаго моря и по Волгѣ. Или, скорѣе всего, Новгородское Вѣче рѣшило послать Олега съ войскомъ только для покоренія остальныхъ Кривскихъ городовъ, не

признававшихъ еще власти Новгорода. Олегъ же, покоривши Кривскіе города, Смоленскъ и Любечь, убѣдилъ войско сопутствовать ему въ походѣ внизъ по Днѣпру до Кіева. Завладѣвши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнилъ Новгородскимъ видамъ и рѣшился остаться въ завоеванномъ городѣ, зная хорошо различіе между княземъ правящимъ на условіяхъ и между Государемъ самодержавнымъ. Впрочемъ, измѣняя Новгородскимъ видамъ, онъ, очевидно, съумѣлъ не разорвать связей съ Новгородомъ; ибо при немъ остались Новгородскіе Славяне наровнѣ съ Варягами: „Бѣша у него Варязи, Словѣни и прочіи, прозвашася Русью. Самая хитрость, употребленная Олегомъ противъ Аскольда и Дира, показываетъ, что онъ, не вступая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить себя ихъ Варяжскою дружиною. И подозрительно, не было ли у него какой либо тайной связи съ этою дружиною до умерщвленія Кіевскихъ Князей; иначе мудрено допустить, чтобы она равнодушно отказалась отъ мѣсти за измѣнническое умерщвленіе своихъ предводителей. Въ разсказѣ Несторовомъ, какъ чистой поэтической легендѣ, или пѣснѣ, сложенной въ честь Олега, подробности Варяжской измѣны Аскольду и Диру, какъ вовсе не поэтическія, легко могли быть опущены.

Завладѣвши Кіевомъ, Олегъ, какъ самовластный Государь, немедленно сталъ укрѣплять свои владѣнія построеніемъ городовъ около Днѣпра: „Сеже Олегъ нача городы ставити." А ни онъ, ни предшественникъ его, Рюрикъ, не дѣлали этаго въ Новгородской области, слѣдовательно народъ не дозволялъ имъ того. По крайней мѣрѣ таковъ смыслъ всей Несторовой лѣтописи относительно этаго предмета; въ позднѣйшихъ временникахъ говорится о построеніи Рюрикомъ городовъ и въ Новгородской области, но достовѣрность или лживость позднѣйшихъ временниковъ сюда не относится; моя цѣль показать только смыслъ Несторовой лѣтописи. Вмѣстѣ съ занятіемъ Кіева, Олегъ уставилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мери. Очевидно, эта дань простиралась только на тѣ племена, которыя Новгородцами были уступлены въ кормленье, сперва Рюрику съ братьями, а послѣ него Олегу, т. е., у Славянъ съ Ладоги, у Кривичей съ Изборска и Полоцка, у Мери съ Ростова; но этой дани никакъ нельзя относить ко всей Новгородской области; ибо Несторъ здѣсь ни слова не упоминаетъ о дани ни съ Чуди, ни съ Бѣла-озера, даже не поставилъ словца и *прочимъ*, чѣмъ прямо указываетъ, что дань бралась только съ изчисленныхъ имъ племенъ. А исключеніе Веси или Бѣла-озера изъ числа дан-

никовъ Олеговыхъ въ Новгородской области заставляетъ думать, что Бѣло-озеро, уступленное Рюрику, Новгородцы отняли у Олега, или, можетъ быть, замѣнили его другимъ какимъ городомъ у Кривичей, или Мери. Собственно съ Новгорода тѣмъ болѣе Олегъ не могъ назначить себѣ дани, а только установилъ, чтобы Новгородцы каждогодно давали по 300 гривенъ Варягамъ, „мира дѣля," т. е., той Варяжской дружинѣ, которая назначалась въ Новгородъ для поддержанія суда и управы намѣстничей или посадничей, которые первоначально присылались или назначались Княземъ.

Далѣе, Несторъ разсказываетъ о походахъ Олега на Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, о прохожденіи Угровъ мимо Кіева, о бракѣ Игоря и о войнѣ съ Греками. Между этими, чисто Кіевскими, событіями помѣщены событія Греческія и Обще-Славянскія, очевидно заимствованныя у Болгаръ; таковы извѣстія: о царствованіи Льва и Александра, о изобрѣтеніи Славянской грамоты, и о войнѣ Симеона Болгарскаго съ Уграми. Это послѣднее извѣстіе прямо взято у Болгарскаго переводчика лѣтописи Манассіи. Изъ чисто-Русскихъ происшествій, упомянутыхъ Несторомъ въ Княженіе Олега, особенно замѣчательно мирное прохожденіе Угровъ мимо Кіева. Оно, во первыхъ, свидѣтельствуетъ, что не всѣ чужеродныя племена, проходившія сквозь Славянскія земли, воевали съ Славянами; почему очень натурально, что не всѣ движенія народовъ, происходившія въ Европѣ по Р. Х., были замѣчены народнымъ преданіемъ Славянъ, и Несторъ правъ, ежели не упоминаетъ ни о Готѳахъ, ни у Гуннахъ, когда вычислялъ выше движенія разныхъ народовъ къ Дунаю. Готѳы и Гунны, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Угры, прошли покойно, не тревожа Славянъ, и потому народное Славянское преданіе не оставило ихъ въ памяти; очень естественно, что Несторъ не упомянулъ бы и о настоящемъ прохожденіи Угровъ мимо Кіева, если бы это не было такъ близко къ нему. Во вторыхъ, это описаніе Угорскаго похода свидѣтельствуетъ, что Несторова лѣтопись была писана въ XII столѣтіи, а не въ XIII, и тѣмъ болѣе въ XIV; ибо здѣсь Несторъ сравниваетъ Угровъ съ Половцами: „бѣша бо ходяще аки се Половци;" писавши же позднѣе XII вѣка, онъ необходимо долженъ бы былъ сравнить ихъ съ Монголами, ибо Половцевъ тогда уже не было.

Въ описаніи похода на Грецію замѣчательны два мѣста, которыя указываютъ, что Несторъ, кромѣ отечественныхъ преданій

объ этомъ предметѣ, имѣлъ, кажется, Греческія свидѣтельства, теперь для насъ утраченныя; мѣста эти слѣдующія: 1-е описывая племена, участвовавшія въ этомъ походѣ, Несторъ въ заключеніи говоритъ: „Си вси звахуться великая Скуѳь.“ Названія Скиѳами Славянъ, Кривичей, Чуди, Мери, Хорватовъ и другихъ, въ Славянскихъ или Русскихъ преданіяхъ невозможно; очевидно, что у лѣтописателя былъ подъ руками Византійскій Хронографъ, въ которомъ Олеговъ походъ названъ Скиѳскимъ нашествіемъ; 2-е говоря объ ужасѣ, который Олегъ навелъ на Грековъ, Несторъ пишетъ: „И убояшася Грецѣ и рекоша: нѣсть се Олегъ, но Св. Димитрій посланъ на ны отъ Бога.“ Здѣсь такъ и слышится рѣчь Византійскаго лѣтописца; у которыхъ мы часто встрѣчаемъ Св. угодниковъ, то защитниками ихъ воинствъ, то карателями; языческіе Славяне или Руссы, первые слагатели преданія объ Олеговомъ походѣ, натурально, не знали Греческихъ святыхъ и немогли говорить о нихъ въ своихъ преданіяхъ.

Олеговы договоры съ Греками, какъ словесные, такъ и письменные, во всемъ объемѣ своемъ не входятъ въ составъ настоящаго обзора лѣтописи; но, впрочемъ, нельзя пропустить нѣкоторыхъ мѣстъ, явно относящихся къ настоящему дѣлу. Изчисляя города, на которые Олегъ назначилъ уклады, Несторъ ни слова не говоритъ о Новгородѣ; очевидно, что Новгородъ въ это время уже не составлялъ одного государства съ Олеговою Русью, хотя и платилъ 300 гривенъ и принималъ Олеговыхъ посадниковъ. Это подтверждается и далѣе, гдѣ Несторъ говоритъ: „И въспяша Русь прѣ поволочитые, а Словѣне кропійныя.“ Здѣсь лѣтописецъ явно отличаетъ отъ Олеговой Руси Ильменскихъ Славянъ, зависѣвшихъ отъ Новгорода и, можетъ быть, на какихъ либо условіяхъ участвовавшихъ въ походѣ и которыхъ Несторъ не разумѣетъ подъ родовымъ именемъ Славянъ. Очевидно, что здѣсь говорится не о первопришедшей Варяго-Руси, но о Руси лѣтописной, т. е., о всѣхъ племенахъ, составлявшихъ Кіевскую Олегову державу, о Варягахъ, Чуди, Кривичахъ, Мери, Полянахъ, Древлянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ, и прочихъ, *иже*, по Нестору, *прозвашася Русью*. Точно также, какъ и въ городахъ, лѣтописецъ выше изчислилъ только Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ и Любечь, т. е., тѣ города, которые были или заняты самимъ Олегомъ, или уступлены ему Новгородцами въ кормленье, и въ которыхъ сидѣли *Князья подъ Ольгомъ суще*.

Далѣе, мысль Олега заключить съ Греками письменный договоръ черезъ четыре года по окончаніи войны, обличаетъ, что Олегъ былъ въ Кіевѣ не на стоянкѣ, не на зимнихъ квартирахъ, а въ столицѣ особаго самостоятельнаго государства, имѣвшаго опредѣленныя границы и составлявшаго его любимую собственность, о которой онъ заботился, какъ хорошій хозяинъ, или вѣрнѣе, какъ попечительный Государь. Иначе, зачѣмъ бы ему хлопотать о письменныхъ договорахъ черезъ четыре года послѣ войны, и въ которыхъ нѣтъ ни слова о дани, и преимущественно дѣло идетъ о безопасной и благоустроенной торговлѣ, которою, какъ видно, дорожила юная Русь; ибо заботливо старалась отстранить и ограничить всѣ столкновенія, которыя бы могли произвести разрывъ, или затруднить торговлю? Несторъ ясно говоритъ, что эта мысль принадлежала не Грекамъ, а самому Олегу: „Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью." Эта же мысль о заключеніи письменнаго договора дозволяетъ думать, что Славянская грамота, изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ, была уже извѣстна въ Кіевѣ, что также указываетъ на быстрое и энергическое развитіе этаго города, стоявшаго на большой торговой дорогѣ.

Разсказъ о смерти Олега есть чистое поэтическое преданіе, въ которомъ сомнѣвались даже во время Нестора, но которому лѣтописецъ должно быть имѣлъ причины вѣрить, и которое старался защитить ясными свидѣтельствами другихъ лѣтописей. Современники Нестора, какъ кажется, отвергали возможность предсказанія кудесниковъ о причинѣ Олеговой смерти, и которымъ лѣтописецъ отвѣчаетъ: хотя и удивительно, что сбываются предсказанія волхвовъ, но что это справедливо, то на сіе есть свидѣтельства не у насъ однихъ: „Се же дивно есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ, и пр." И въ слѣдъ за тѣмъ приводитъ свидѣтельства изъ бывшей подъ руками лѣтописи Георгія Амартола, о волхвѣ, Аполлоніи, жившемъ въ царствованіе Домиціаново, о Ваалѣ, Симонѣ, Менандрѣ и другихъ. Здѣсь Несторъ доставляетъ исторіи двойную услугу: во 1-хъ онъ старается сохранить колоритъ древняго, дошедшаго до него, преданія, что обличаетъ въ немъ глубокаго знатока важности народныхъ преданій для исторіи; во 2-хъ не оставляя безъ вниманія современнаго возраженія преданію, и защищая преданія современнымъ себѣ оружіемъ, онъ даетъ намъ вѣрное понятіе о современномъ ему про-

священія Рускаго народа. Здѣсь мы въ одной картинѣ видимъ X и XII вѣкъ нашего отечества.

Въ описаніи Игорева княженія Несторъ имѣлъ два источника, — Византійцевъ и отечественныя преданія: отъ первыхъ онъ взялъ всѣ извѣстія о Болгарахъ и Униахъ, и сказаніе о первомъ Игоревомъ походѣ на Грековъ; въ этомъ сказаніи нѣтъ и духу Рускаго, вездѣ Греція,—и Рускія лодьи названы скедіями, и военачальники Греческіе всѣ отмѣчены чинами Византійской Іерархіи: *Доместика*, *Патрикія*, *Стратилата*, чего бы никакъ не упомнило народное преданіе Руссовъ. Кажется: преданіе сохранило въ памяти только окончаніе похода: „Тѣмъ же пришедшемъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядпемъ огни; якоже молнья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имутъ у себѣ, и сію пущающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ." Изъ отечественнаго преданія Несторъ взялъ только краткія извѣстія о появленіи Печенѣговъ и о первой войнѣ съ ними, о годѣ рожденія Святослава, о второмъ походѣ Игоря на Грековъ и о смерти Игоревой. Описаніе втораго похода на Грековъ прямо дышетъ Русью. Преданіе здѣсь еще помнитъ и изчисляетъ племена, учавствовавшія въ походѣ: „Игорь же совокупи вои многи, Варяги, Русь и Поляны, Словѣни и Кривичи, и Тиверци и Пѣченѣги." Самъ Несторъ не могъ сочинить такаго разсказа;—это могъ сказать только современникъ, при которомъ племенныя отличія были еще очень рѣзки; а народная память сохранила преданіе современника, Несторъ же помѣстилъ его въ лѣтопись. Далѣе въ повѣсти сказано: „Се слышавше Корсунци, послаша къ Роману глаголюще: се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли."Опять живое преданіе, которое не умѣетъ считать; грамотный Византіецъ навѣрно бы написалъ десять или сто тысячь. Потомъ: „посла царь къ Игорю лучіе бояре." Снова явно Руское извѣстіе,—посланники Греческіе названы по Руски Боярами. Колоритъ всего повѣствованія превосходно выражаетъ современность: „Да аще сице глаголетъ Царь, то что хочемъ болѣ того, не бившися имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣетъ, мы ли онѣ ли? ни съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морстѣй; обьча смерть всѣмъ." Въ этѣхъ не многихъ строкахъ вся исторія духа княжескихъ дружинъ того времени.

Теперь перейдемъ къ Игореву договору съ Греками, къ одной изъ величайшихъ драгоцѣнностей, сохраненныхъ для насъ Не-

сторомъ. Этотъ важный документъ съ перваго взгляда разпадается на двѣ части, — на юридическую и историческую. Первую я оставляю до другаго времени, теперь же займусь послѣднею; въ ней оффиціальный актъ сохранилъ драгоцѣннѣйшія историческія данныя, позабытыя преданіемъ; здѣсь вся исторія Игорева времени. Начинаю съ пословъ и гостей, отправленныхъ изъ Кіева и прописанныхъ въ договорѣ; здѣсь ихъ не одинъ десятокъ, и они отправлены не отъ одного Игоря, но и отъ его сына, Святослава, отъ Ольги, отъ Игоревыхъ племянниковъ, и отъ другихъ лицъ, и отъ всѣхъ людей Рускія земли. Это замѣчательнѣйшій намекъ объ образѣ тогдашняго правленія на Руси, это мѣсто стоитъ глубокаго изученія. Здѣсь въ общемъ дѣлѣ, въ договорѣ съ иностраннымъ государствомъ, участвуетъ и голосъ народа; документъ прямо говоритъ: „И великій Князь нашъ Игорь, и Боляре его, и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману." и пр. Это показаніе еще тѣмъ важнѣе, что оно подтверждается и Олеговымъ договоромъ, только не такъ ясно; вотъ слова Олегова договора: „Посланіи..... на извѣщенье отъ многыхъ лѣтъ межу Христіаны и Русью бывшую любовь похотѣньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его (Олега) сущихъ Руси." Далѣе въ первой же статьѣ говорится: „И иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть." Это мѣсто свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время въ Кіевѣ и вообще на Руси было уже столько Христіанъ, что о нихъ должно было упомянуть въ договорѣ съ посторонним государствомъ. Потомъ въ договорѣ сказано: „Нынѣ же увѣдѣлъ есть Князь вашь посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бываютъ отъ нихъ сли и гостье, да приносятъ грамоту пишюче сице: яко послахъ корабль селько." Здѣсь Рускій Князь, дорожа торговлею съ Греціею, въ которой много было столкновеній отъ разбойническихъ шаекъ на Черномъ морѣ, предлагаетъ постоянно ссылаться съ Византійскимъ дворомъ грамотами, чтобы тамошнее правительство не смѣшивало разбойниковъ съ Рускими купцами и оказывало послѣднимъ свое покровительство. Въ договорѣ говорится только о купцахъ Кіевскихъ, Черниговскихъ и Переяславскихъ: „А гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля." Слѣдовательно, эти города были въ то время богатѣйшими и значительнѣйшими на Руси, и одни вели торговлю съ Византіею, Новгородъ же совершенно былъ отстраненъ отъ нея. Но важнѣйшее извѣ-

стіе, заключающееся въ договорѣ, есть слѣдующее: „А Корсуньстей странѣ, елико есть городовъ на той части, да немать волости Князь Русскій да воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ." И далѣе: „Аще обрящетъ воустьѣ Днѣпровскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяще, да не творятъ имъ же никакоже. И да не имѣютъ власти Русь зимовать вустьѣ Днѣпра Бѣлобережьѣ, ни у святаго Ельферья; но егда придетъ осень, да идуть въ домы своя Русь. А о сихъ оже то приходятъ Черніи Болгаре, воюютъ въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ Князю Русскому, да ихъ непущаетъ пакостить странѣ той." Это извѣстіе свидѣтельствуетъ, что во время Игоря Русскіе разспространились далеко внизъ по Днѣпру и по берегамъ Чернаго моря, которое для нихъ было тѣмъ же, что для Варяговъ море Балтійское, и даже у самыхъ Византійцевъ получило названіе *Русскаго моря*. Народное преданіе не сохранило и намековъ объ этомъ движеніи на югъ; впрочемъ, какъ мы здѣсь видимъ, оно было столь значительно и твердо, что Византійское правительство, съ одной стороны нашлось въ необходимости вступиться за Корсунцевъ и оградить ихъ мирнымъ договоромъ съ Русскимъ Княземъ, а съ другой поручило Игорю защищать Корсунскую страну отъ нападенія Болгаровъ. Вообще, кажется народное преданіе не любило Игоря, и всѣ его подвиги, о которыхъ свидѣтельствуютъ Арабскія лѣтописи, передало любимцу своему, Святославу, сыну мудрой Ольги, который на самомъ дѣлѣ только ходилъ по слѣдамъ, проложеннымъ при его отцѣ; даже первая его война съ Болгарами была, кажется, не болѣе, какъ исполненіе Игорева договора, по которому Русскій Князь обязанъ былъ удерживать Болгаръ, столь опасныхъ для Византіи.

Исторія княженія Ольги есть чистое народное преданіе. Эта мудрая и святая жена до того была любима народомъ, что онъ, въ продолженіи 200 лѣтъ, твердо помнилъ почти каждый шагъ ея; еще при Несторѣ хранились ея сани во Псковѣ и перевѣсица по Днѣпру и по Деснѣ. Преданіе объ Ольгѣ было столь живо и носитъ на себѣ столько признаковъ истины, что ему нельзя не вѣрить; хотя нѣкоторыя подробности и не выдерживаютъ строгой исторической критики, но тѣмъ не менѣе цѣлое не теряетъ своего достоинства; да и самыя подробности важны для исторіи, какъ памятники, вѣрно характеризующіе духъ времени и современныя чувства народа. Месть надъ Древлянами была важнѣйшимъ подвигомъ Ольги въ народной памяти; и она сохрани-

ла его во всей свѣжести, не опустила ничего, чтобы поставить его на первомъ планѣ. Несторъ же съ своей стороны, дорожа стариною и ея характеромъ, передалъ разсказъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ отъ народа. Вторый подвигъ Ольги было путешествіе въ Царьградъ и крещеніе; здѣсь, къ народному преданію, присоединилось преданіе Церкви, и Несторъ въ своемъ разсказѣ сохранилъ какъ церковный, такъ и народный колоритъ, отъ чего его разсказъ, съ перваго взгляда, кажется, какъ бы подновленнымъ послѣ, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, онъ остается несомнѣннымъ и чистымъ памятникомъ древности.

Народная память не забыла и другихъ подвиговъ Ольги, относящихся, собственно, до внутренняго государственнаго благоустройства; она сохранила намъ, хотя краткое, извѣстіе о ея административныхъ разпоряженіяхъ въ землѣ Древлянской, въ Новгородской области и въ Приднѣпровской странѣ. Здѣсь, я думаю, нелишнимъ будетъ замѣтить, что въ Новгородской землѣ, по словамъ Нестора, Ольга уставила погосты и дани по Мстѣ, а оброки и дани по Лугѣ, самаго же Новгорода и другихъ краевъ его обширной области она не касалась; слѣдовательно, она, какъ Великая Княгиня, имѣла права свои въ Новгородской области только на Мсту и Лугу; въ Новгородѣ же была только посредницею, судьею — примирительницею въ народныхъ распряхъ; вступаться же въ административныя разпоряженія не имѣла права. Здѣсь нельзя сказать что о разпоряженіяхъ въ другихъ частяхъ Новгородскаго государства въ лѣтописи ничего не сказано потому, что Ольга не успѣла побывать тамъ и зачѣмъ либо поспѣшила въ Кіевъ, а не потому, что она не имѣла права разпоряжаться тамъ. Но была же она во Псковѣ, Новгородскомъ пригородѣ, и Несторъ не забылъ сказать объ этомъ, однако ничего не говоритъ о ея разпоряженіяхъ въ этомъ городѣ, стало быть, она также не имѣла права разпоряжаться въ этомъ городѣ, и посѣщала Псковъ только какъ родину; не могъ же Несторъ пропустить ея разпоряженій во Псковѣ, если бы они были, ибо онъ не забылъ упомянуть объ оставленныхъ тамъ ея саняхъ: „*И сани ея стоятъ во Плесковѣ.*“

Исторію Святослава Несторъ начинаетъ двадцать вторымъ годомъ его жизни, и прежде всего описываетъ его характеръ, потомъ говоритъ о походахъ къ Окѣ и Волгѣ, о войнѣ съ Казарами, Ясами и Касогами, о походѣ на Дунайскихъ Болгаровъ и

о войнѣ съ Цимисхіемъ, между которыми помѣщены двѣ войны съ Печенѣгами, изъ нихъ въ послѣдней погибъ Святославъ,

Здѣсь главнымъ и почти единственнымъ источникомъ у Нестора было народное преданіе, котораго Святославъ былъ любимцемъ. Замѣчательнѣйшія и самыя памятныя для народа событія въ княженіе Святослава были: нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ въ отсутствіе Святослава, и война Святослава съ Цимисхіемъ; а посему народное преданіе успѣло сохранить ихъ съ большими или меньшими подробностями, Несторъ же, вѣрный народности, передалъ потомству разсказы въ ихъ натуральномъ колоритѣ.

Разсказъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ заключаетъ въ себѣ столько простодушія и сказочности, что не можетъ выдержать строгой исторической критики, ежели о войнахъ съ полудикими племенами X вѣка судить по нынѣшнимъ войнамъ; но, къ счастію, Нестора, если такъ можно сказать, характеры тогдашнихъ полудикихъ и нынѣшнихъ регулярныхъ войнъ, такъ различны, что сравнивать ихъ между собою и повѣрять одни другими, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. А по сему и разсказъ Нестора, какъ совершенно сообразный съ своимъ предметомъ, остается при своемъ неоспоримомъ достоинствѣ: и отрокъ Кіевскій, переплывающій Днѣпръ, и воевода Претичь, и Князь Печенѣжскій, вѣрны своему народному характеру и своему времени, а слѣдовательно и разсказъ остается вѣренъ истинѣ; даже если угодно, исторической, хотя и кажется сказочнымъ, онъ невиноватъ, что происшествія и лица не походятъ на нынѣшнія. Можетъ быть возразятъ: какимъ образомъ далѣе у Нестора Кіевляне даютъ вѣсть Святославу, бывшему въ Болгаріи, когда на дорогѣ въ эту сторону кочевали Печенѣги, и какъ Святославъ успѣлъ пробраться сквозь ихъ кочевья? На это можно дать одинъ отвѣтъ: Московскіе гонцы и даже цѣлые отряды при Донскомъ, при Іоаннѣ III и при Грозномъ пробирались же въ Крымъ и даже дѣлали тамъ нападенія, не смотря на то, что имъ нужно было проходить обширныя степи отъ Оки до Чернаго и Азовскаго морей усѣянныя Татарскими ордами, и съ которыми Татары, кочевавшіе на нихъ болѣе, нежели въ продолженіи 200 лѣтъ, вѣроятно были знакомѣе, нежели Печенѣги съ Приднѣпровскими степями, на которыхъ они жили не болѣе 50 лѣтъ. Развѣ менѣе сказочны походы Данилы Адашева и дьяка Ржевскаго въ Крымъ? Но мы имъ вѣримъ, да и не можемъ не вѣрить, поелику у насъ на это есть оффиціальные документы; зачѣмъ же, послѣ этого, не-

вѣрить подобнымъ разсказамъ о походахъ и разъѣздахъ X вѣка по тому только, что у насъ нѣтъ оффиціальныхъ документовъ, которые бы подтверждали ихъ?

Въ Несторовомъ разсказѣ о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ очень замѣтно, что нашъ лѣтописецъ не читалъ исторіи Льва Діакона, очевидца этой войны; но, не смотря на драгоцѣнныя для исторіи подробности, помѣщенныя у этого Византійца, разсказъ Нестора, кажется, вѣрнѣе своему предмету и въ сущности дѣла не противорѣчитъ Византійцу. Я уже не говорю о томъ, что для Русской исторіи Византійская лѣтопись, даже совершенно достовѣрная, далеко не замѣнитъ народнаго преданія, ибо она передаетъ событіе въ чужихъ, въ Греческихъ, а не въ родныхъ, не въ Русскихъ, краскахъ; изъ нея мы не узнаемъ, какъ соотечественники смотрѣли на Святослава и чѣмъ онъ былъ для нихъ. Но, что всего важнѣе для, такъ называемой, строгой исторической критики, по внимательномъ сличеніи исторіи Льва Діакона съ простодушнымъ разсказомъ Нестора, ясно открывается, что перевѣсъ безпристрастія и правдивости остается на сторонѣ послѣдняго. Вотъ сличенія: Левъ Діаконъ не описываетъ вторичнаго завоеванія Болгаріи Святославомъ, а говоритъ прямо, что Цимисхій, принужденный обстоятельствами, призналъ за лучшее примириться съ Святославомъ и отправилъ къ нему посольство съ предложеніемъ, чтобы онъ, получивъ плату за разореніе Болгаріи, обѣщанную Императоромъ Никифоромъ, возвратился въ свое отечество и оставилъ Болгарію въ распоряженіе восточной Имперіи.... А Святославъ на это отвѣчалъ: что никакъ неоставитъ Болгаріи, если Императоръ не заплатитъ ему огромной суммы и не выкупитъ завоеванныхъ имъ городовъ и плѣнныхъ. Не то же ли сказано у Нестора: „Рѣша Грьци, мы не дужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ и на дружину свою; и повѣжте ны сколько васъ да вьдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью; суть бо Греци льстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ, есть насъ 20 тысящь, и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только.“ Въ чемъ же разногласіе у Нестора съ Львомъ Діакономъ. Одинъ начинаетъ дѣло предложеніемъ мира съ Греческой стороны и другой тоже; одинъ говоритъ, что миръ не состоялся потому, что Святославъ слишкомъ дорого просилъ за него, и у другаго тоже; только у перваго сказано неопредѣленно объ огромной суммѣ и о выкупѣ завоеванныхъ городовъ и плѣнныхъ, тогда какъ другой прямо го-

воритъ, что Греки обѣщались заплатить по числу воиновъ Святослава что, конечно, и было сказано въ условіи Императора Никифора, пригласившаго Святослава въ Болгарію, слѣдовательно въ этомъ мѣстѣ Несторовъ разсказъ не только въ сущности не противорѣчитъ Византійцу, но въ подробностяхъ даже правильнѣе его. Далѣе, Левъ Діаконъ говоритъ, что Цимисхій, послѣ неудачныхъ переговоровъ, началъ готовиться къ войнѣ, составилъ особый отрядъ *безсмертныхъ* для защиты столицы, послалъ съ войсками Магистра Варда Склира въ Болгарію, съ приказаніемъ зимовать тамъ, и чрезъ лазутчиковъ проникнуть въ намѣреніе непріятеля. Руссы вышли Склиру на встрѣчу, сразились, были разбиты и изъ 30 т. своего войска потеряли 20 тыс., Римлянъ же было убито не болѣе 55 человѣкъ." Послѣ такой счастливой битвы, Императоръ Іоаннъ приказываетъ Азіатскимъ войскамъ переправиться чрезъ Геллеспонтъ въ Европу, зимовать во Ѳракіи и Македоніи и готовиться къ предстоящей войнѣ; побѣдоноснаго Склира отзываетъ въ Азію для занятія должности верховнаго начальника надъ тамошними войсками, въ Европѣ же поручаетъ начальство магистру Іоанну. Начало разсказа почти одинаково и у Нестора: „И пристроиша Грьци 100 т. на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси." Но далѣе Византіецъ и Печерскій инокъ разходятся другъ съ другомъ; ибо Несторъ утверждаетъ, что побѣдилъ Святославъ, и бѣжаша Грьци." Да и въ самомъ дѣлѣ, не Святославъ ли остался побѣдителемъ? Ибо здѣсь Левъ Діаконъ рѣшительно противорѣчитъ себѣ: онъ говоритъ, что Руссы были разбиты Склиромъ и изъ тридцати тысячь войска потеряли болѣе двадцати тысячь; а между тѣмъ прежде сказалъ, что въ Болгаріи все уже было противъ Святослава, такъ что стоило только появиться Греческому отряду, чтобы поднять все тамошнее народонаселеніе на Руссовъ; но торжествующій Склиръ не отваживается выступить противъ Святослава, а Императоръ спѣшитъ вызвать Азіатскія войска, велитъ имъ приготовляться къ предстоящей войнѣ и зимовать во Ѳракіи и Македоніи, чувствуетъ важность грозящей войны и отзываетъ побѣдоноснаго и оправдавшаго уже довѣренность Склира; куда жъ? кто бы подумалъ! — въ Азію, для принятія главнаго начальства надъ тамошними войсками, которыхъ тамъ нѣтъ, которыя, какъ уже сказано, выведены въ Ѳракію и Македонію. Можно ли подобрать болѣе противорѣчій и несообразностей? Явно, лѣтописецъ хочетъ прикрыть пораженіе своихъ соо-

течественниковъ, но не умѣстъ справиться съ слишкомъ гласными фактами, путается и пишетъ рѣшительную безсмыслицу. По сему логически вѣрное показаніе Нестора имѣетъ на своей сторонѣ весь перевѣсъ истины, что подтверждаютъ и послѣдующія событія. Далѣе, Несторъ говоритъ, что Цимисхій, послѣ пораженія Греческихъ войскъ, предложилъ Святославу миръ, „И вдаша ему дань; имащеть же и за убіенные, глаголя яко родъ его мозметь. Взя же дары многы и възратися въ Переяславецъ съ похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея рече.“ Здѣсь у него опять согласіе съ Львомъ Діакономъ и вмѣстѣ разногласіе; во 1-хъ они оба говорятъ, что Руссы возвратились въ Болгарію; во 2-хъ у одного они оттѣснены силою, у другаго золотомъ, и послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Ибо трудно согласиться, чтобы Святославъ, силою оттѣсненный въ Болгарію, въ продолженіи цѣлой зимы не позаботился укрѣпить Балканскихъ проходовъ и, сверхъ того, разспустилъ войска по Болгарскимъ городамъ, и даже нѣсколько отрядовъ отправилъ въ Македонію; онъ былъ слишкомъ опытенъ въ войнѣ, чтобы сдѣлать такую непростительную оплошность послѣ потерпѣннаго пораженія отъ Варда Склира; это онъ могъ сдѣлать только упоенный побѣдою, и ослѣпленный золотомъ и льстивыми переговорами Грековъ. Слѣдовательно, Несторовы слова: „Взяже дары многи, и възратися въ Переяславецъ съ похвалою великою,“ не противорѣчатъ истинѣ. Послѣ же сихъ словъ въ Несторовой лѣтописи явный пропускъ и, скорѣе всего, сдѣланный переписчикомъ, а не самимъ Несторомъ, который былъ слишкомъ уменъ и опытенъ въ писательствѣ, чтобы не замѣтить такого значительнаго пробѣла, скрадывавшаго цѣлую войну съ Цимисхіемъ, и потомъ, не смотря на явную безсмыслицу, спокойно продолжать: — „видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ и пр.,“ и даже говорить: „и посла слы ко цареви въ Деревстръ, бѣ бо ту царь,“ тогда какъ выше ни слова не упомянуто о занятіи Деревстра Византійскими войсками. И такъ, главное несогласіе Нестора съ Львомъ Діакономъ, наводящее укоръ нашему лѣтописателю, очевидно состоитъ въ безсмысленномъ пропускѣ переписчика, у котораго, можетъ быть, вырванъ былъ цѣлый листъ въ рукописи, съ которой онъ списывалъ; ибо за этимъ несчастнымъ пропускомъ опять начинается согласіе Нестора съ Византійцемъ. Продолжу сличенія. Левъ говоритъ: разбитый подъ Доростоломъ, Святославъ отправилъ посольство къ Императору съ предложеніемъ мира и обѣщаніемъ оставить Болгарію и возвра-

титься въ Русь.... Іоанъ съ радостію согласился на это предложеніе, утвердилъ договоръ съ своей стороны и приказалъ выдать на каждаго Скиѳа по двѣ мѣры хлѣба. Почти тоже у Нестора: „и посла слы ко Царсви... рька сице: „хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь.“ Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ.“ Самый же договоръ Святослава, помѣщенный у Нестора, не совершенно одинаковъ съ перечнемъ договора, разсказаннымъ у Льва Діакона. Въ Несторовомъ договорѣ сказано: 1-е, что онъ писанъ въ Доростолѣ, уже занятомъ Цимисхіемъ; „писано....Царю Греческому въ Дерестрѣ;“ 2-е что Святославъ съ дружиною клянется никогда не воевать съ Греками: „яко николи же помыслю на страну вашу, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю, и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсуньскую, и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарску.“ Левъ же Діаконъ говоритъ, что Тавроскиѳы уступятъ Доростолъ Римлянамъ, отдадутъ плѣнныхъ, выйдутъ изъ Мизіи и возвратятся на Русь. Римляне, съ своей стороны, не будутъ препятствовать ихъ возвращенію водою въ отечество и нападать на Русскія ладьи своими огненосными судами; сверхъ того Императоръ долженъ вспомоществовать имъ хлѣбомъ и считать друзьями тѣхъ Руссовъ, которые придутъ для торговли въ Царьградъ: Впрочемъ, кажется, главное разногласіе состоитъ въ томъ: одинъ лѣтописецъ предлагаетъ перечень условій, предложенныхъ Святославомъ, другой же пишетъ подлинный договоръ, утвержденный Цимисхіемъ; очень естественно, что побѣдитель Цимисхій могъ не принять нѣкоторыхъ условій, предложенныхъ Святославомъ, находившимся въ крайности и потому готовымъ на всякую уступку. Святославъ даже согласился защищать Грековъ: „да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ.“ Это мѣсто, вѣроятно, внесено было въ договоръ самимъ Цимисхіемъ, на основаніи Игорева договора, гдѣ Русскій Князь также обязывался защищать Грековъ.

Передъ вторичнымъ отправленіемъ въ Болгарію Святославъ раздѣлилъ Русскія владѣнія своимъ сыновьямъ: старшему, Ярополку, отдалъ Кіевъ, второму, Олегу, землю Древлянскую; а третьяго, Владиміра, выпросили Новгородцы, которымъ надоѣло жить подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ. Безъ сомнѣнія, Ярополкъ и Олегъ владѣли цѣлою Приднѣпровскою и Пріоскою страною, а не однимъ Кіевомъ, или Древлянскою землею; ибо въ

противномъ случаѣ, кому жъ бы достались Переяславь и Черниговъ, богатые торговые города, упоминаемые въ Игоревомъ договорѣ, уже производившіе торговлю съ Византіею? Сверхъ того, сколько городовъ было построено Олегомъ, а также куда бы дѣвать Смоленскъ и Любечь, если ихъ не раздѣлить между Ярополкомъ и Олегомъ? Этотъ Святославъ раздѣлъ владѣній между сыновьями очень походитъ на подобный раздѣлъ Ярослава, о которомъ лѣтописецъ также говоритъ, что онъ старшему сыну, Изяславу, отдалъ Кіевъ, второму, Святославу, Черниговъ, третьему, Всеволоду, Переяславль. Но мы знаемъ, что съ Кіевомъ Изяславъ владѣлъ вмѣстѣ и Новгородомъ, Святославъ съ Черниговомъ Тмутараканью и Пріокскими странами, Всеволодъ съ Переяславлемъ Бѣлымъ озеромъ и Суздальскою страною. Не хотѣлъ ли и Святославъ въ своемъ дѣлежѣ причислить Новгородъ къ Кіевскому удѣлу, но Новгородцы воспротивились сему и выпросили себѣ отдѣльнаго Князя, молодаго Владиміра. Святославовъ раздѣлъ былъ рѣшительно образцемъ для Ярослава, ибо какъ тотъ, такъ и другой, назначаютъ Кіевскаго Князя Великимъ Княземъ, отъ котораго, какъ отъ старшаго, должны зависѣть удѣльные Князья, и отдаютъ Кіевъ старшимъ въ родѣ; это рѣшительно не произволъ раздаятелей, а какой-то основной коренной народный законъ, заслуживающій полное изученіе и объясняющій многое въ послѣдующей нашей исторіи. Ярополка, князя Кіевскаго, никакъ нельзя назвать равнымъ княземъ съ Олегомъ и Владиміромъ князьями удѣльными; онъ былъ точно Великій Князь, верховный владыка всей Руси; ибо Несторъ прямо говоритъ, что по смерти Святослава, „*нача княжити Ярополкъ*,“ въ противномъ же случаѣ онъ долженъ бы былъ сказать: *начали княжить Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ.*

По описанію Нестора Ярополково княженіе продолжалось восемь лѣтъ, изъ этого періода времени народное преданіе сообщило Нестору только два замѣчательныя событія: войну Ярополка съ Олегомъ и войну Владиміра съ Ярополкомъ. Наша обязанность разсмотрѣть ихъ внимательно; ибо это первообразцы всѣхъ послѣдующихъ которъ и усобицъ Княжескихъ. Время Ярополкова княженія, во многихъ отношеніяхъ, сходно со-временемъ Изяслава Ярославича: оба Великіе Князья, Ярополкъ и Изяславъ, почти одинаковые по характеру; оба люди довольно слабые для того, чтобы быть верховными правителями государства, раздѣленнаго между самовластными князьями; и оба властолюбивы; обстоятельства ихъ княженій, основные причины и порядокъ событій, также

сходны между собою. Ярополкъ, по внушенію Свенельда, мстившаго за смерть сына, нападаетъ, безъ всякаго права, на брата своего, Олега, князя Древлянскаго, и, счастливо побѣдивши его, присоединяетъ его область къ своему княженію. То же дѣлаетъ и Изяславъ съ Всеславомъ Полоцкимъ; конечно, Всеславъ самъ подалъ поводъ къ нападенію, ограбивши Новгородъ, и Изяславъ, по видимому, имѣлъ законное право напасть на Всеслава; но, тѣмъ не менѣе, въ немъ, какъ и въ Ярополкѣ, проглядываетъ самолюбіе; ибо за чѣмъ бы было ему измѣннически захватить Всеслава и посадить въ темницу, если бы онъ началъ войну только за разграбленіе Новгорода? Равнымъ образомъ и Ярополкъ могъ бы требовать законнаго удовлетворенія за убіеніе Свенельдича, а не отнимать области у брата. Далѣе, младшій братъ Ярополковъ, Владиміръ, услыхавши о занятіи Древлянской земли и о насильственной смерти Олега, и, чувствуя себя слабымъ противустоять властолюбію брата, бѣжитъ искать покровительства у Варяговъ и живетъ тамъ почти три года; то же было при Изяславѣ: по смерти Святослава, Борисъ Вячеславичь занялъ Черниговъ, но, боясь нападенія отъ дядей, скрывается въ отдаленную Тмутаракань и живетъ тамъ болѣе года, ища покровительства у Половцевъ. Во время отсутствія Владиміра Ярополкъ причисляетъ Новгородъ къ Кіевскимъ владѣніямъ и посылаетъ туда своихъ посадниковъ; а Изяславъ, послѣ бѣгства Борисова, отдаетъ Черниговъ своему брату, Всеволоду. Владиміръ, собравъ Варяжскую дружину, при помощи ея, возвращаетъ Новгородъ и идетъ къ Кіеву противъ Ярополка; то же дѣлаетъ Борисъ, соединившись съ Олегомъ Святославичемъ: онъ ведетъ Половцевъ на Русскую землю, занимаетъ, оставленный имъ прежде, Черниговъ, откуда Всеволодъ бѣжитъ въ Кіевъ; Изяславъ вступается за брата, т. е., говоря другимъ языкомъ, начинаетъ войну для защиты своихъ разпоряженій и для поддержанія великокняжеской власти. Нежатинская битва примиряетъ противниковъ,— Изяславъ и Борисъ погибаютъ; союзникъ Борисовъ, Олегъ опять бѣжитъ въ Тмутаракань, чтобы собраться съ новыми силами, а Всеволодъ дѣлается Великимъ Княземъ Кіевскимъ. Конецъ междоусобія Владиміра разнится съ концемъ Борисовымъ: послѣ погибели Ярополка, Владиміръ дѣлается главою всей Руси. Но это обстоятельство — постороннее, произшедшее отъ того, что Владиміръ остался одинъ и велъ войну не открытымъ боемъ, а измѣною. Побочныя обстоятельства въ обоихъ междоусобіяхъ были весьма несходны другъ съ другомъ и, что всего важнѣе, въ пер-

вомъ было только два соперника, во второмъ же каждая сторона имѣла нѣсколько князей, гдѣ слабые перемѣшаны были съ сильными, но главный ходъ дѣла въ обоихъ случаяхъ былъ одинаковъ: оба Великіе Князя хотѣли стѣснить удѣльныхъ князей; ослабѣвшіе удѣльные князья оставляли свои владѣнія и искали покровительства у иноплеменниковъ. И это было въ такомъ порядкѣ не только въ сличенныхъ нами двухъ междоусобіяхъ, но и во всѣхъ другихъ: такъ Ярославъ противъ Святополка ищетъ помощи у Варяговъ, Святополкъ, въ свою очередь, приводитъ Поляковъ, а потомъ Печенѣговъ; Святополкъ погубляетъ Бориса, Глѣба и Святослава, Ярославъ, въ свою очередь, сажаетъ въ темницу Судислава.

Съ перваго взгляда разсказъ Несторовъ о войнѣ Ярополка съ Олегомъ представляетъ эту войну не болѣе, какъ слѣдствіемъ мести Свенельда за смерть сына; народное преданіе, незнающее отвлеченностей, любящее все олицетворять и помнящее только въ олицетвореніи, и не могло представить и запомнить этаго событія иначе; но, впрочемъ; и въ этомъ олицетворенномъ разсказѣ проглядываютъ тайные законы, устроившіе ходъ дѣлъ такъ, а не иначе. Постараемся приподнять скрывающую ихъ завѣсу: Олегъ убилъ Свенельдова сына; лѣтопись не говоритъ, о какой либо враждѣ между этими двумя лицами; стало быть, вся вина Свенельдича состояла въ ловлѣ звѣрей въ чужемъ лѣсу, какъ и говоритъ Несторъ: „ловъ дѣющу Свенальдичу, гна по звѣри въ лѣсѣ: и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему Свенальдичь, и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ.“ По нашимъ теперешнимъ понятіямъ это самая ничтожная причина, показывающая не болѣе, какъ прихоть Олегову; но не такъ это понимали наши предки въ X столѣтіи; тогда охота за звѣрями имѣла священныя права, нарушеніе которыхъ посягало на первыя и важнѣйшія условія независимой жизни; припомнимъ, что еще при Несторѣ знали и свято хранили ловища и перевѣсища Ольги: „Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты.“ Въ Новгородскихъ Договорныхъ грамотахъ даже въ XIII вѣкѣ, помѣщались особыя статьи о ловлѣ звѣрей Новгородскими Князьями, и для этаго отводились особыя мѣста: „а свиньи ти (Княже), бити за 60 верстъ отъ города (Новгород. Договор. грам. 1265 года, съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ).“ Послѣ этаго Олегъ имѣлъ полное право убить Свенельдича, который самовольно, нарушая права охоты и ловя звѣрей въ ловищахъ Княжескихъ, свя-

тотатственно препебрегалъ княжескими правами, такъ сказать смѣялся надъ властію удѣльнаго князя и, конечно, дѣлалъ это не безъ согласія Кіевскаго государя, который искалъ только предлога начать войну съ братомъ. Ежели бы Ярополкъ не хотѣлъ войны съ Олегомъ изъ видовъ властолюбія, то смерть Свенельдича ни какъ не могла быть причиною войны; ибо Руссы имѣли свои законы, по которымъ Свенельдъ не могъ требовать удовлетворенія за смерть сына, нанесенную по законной причинѣ. Слова Нестора подтверждаютъ тоже, что война между братьями готовилась еще до смерти Свенальдича: „*и о томъ бысть между ими ненависть*,“ т. е., Олегъ злобствовалъ на Ярополка за нарушеніе правъ удѣльнаго князя, явно сдѣланное съ его согласія, или, можетъ быть, по его внушенію, высказавшемуся въ предшествовавшихъ дѣйствіяхъ, не замѣченныхъ народнымъ преданіемъ; Ярополкъ же ненавидѣлъ Олега за то, что онъ поддерживалъ права удѣльнаго князя противъ Великокняжеской воли. Ежели бы не было этой взаимной ненависти и Ярополкъ бы дѣйствовалъ по навѣтамъ Свенельда, то за чѣмъ Олегу готовиться къ войнѣ? Ему даже нельзя было знать о замыслахъ брата; и собственная польза Ярополка и Свенельда, виновниковъ войны, требовала скрытности. Явно, что неудовольствія между братьями были еще гораздо прежде, Свенельдичева же смерть послужила только явнымъ предлогомъ къ разрыву. Несторъ ясно говоритъ: „Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего на Деревьскую землю, и изиде противу его Олегъ, и вполчитася.“ Очевидно, что Олегъ ждалъ Ярополка, надѣялся защитить свои права и считалъ себя не слабѣе Великаго Князя. Но судьба битвы, конечно, руководимой, закаленнымъ въ бояхъ, старикомъ Свенельдомъ, рѣшила прю въ пользу Ярополка: Олегъ разбитъ и убитъ, его владѣнія достались Кіевскому князю. Владиміръ, жившій въ отдаленномъ Новгородѣ, услыхавши о такой разправѣ Кіевскаго государя и, не ожидая себѣ лучшей участи, убѣжалъ къ Варягамъ. А Ярополкъ, какъ будто того только и ждалъ, немедленно отправилъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ.

Война Владиміра съ Ярополкомъ носитъ въ себѣ всѣ элементы и формы послѣдующихъ усобицъ Княжескихъ. Владиміръ собравши Варяжскую дружину, приходитъ въ Новгородъ, безъ боя приказываетъ Ярополковымъ посадникамъ возвратиться къ своему Князю и сказать ему: „Володимиръ ти иде на тя, пристроивайся противу биться.“ Новгородцы не вступаются въ это дѣло,

имъ нѣтъ нужды до княжескихъ усобицъ, поддерживаемыхъ только княжими дружинами и наемными пришельцами; точно также вели себя въ началѣ удѣльнаго періода жители другихъ городовъ, Кіева, Чернигова и проч. Занявши вторично Новгородъ, Владиміръ проситъ руки у Рогнеды, дочери Полоцкаго князя, Рогвольда, который былъ въ союзѣ съ Ярополкомъ и сговорилъ за него дочь свою; предложеніе Владиміра, конечно, имѣло цѣлію привлечь на свою сторону Ярополкова союзника, Рогвольда. И когда оно не было принято, то Владиміръ, чтобы не оставить врага за собою, присоединяетъ къ своей Варяжской дружинѣ, покорныя Новгороду, племена Славянъ, Кривичей и Чуди, вѣроятно, по условію съ Новгородцами, и идетъ на Полоцкъ; счастіе ему благопріятствуетъ: Рогвольдъ разбитъ и убитъ и всѣ владѣнія его достаются Владиміру, который и женится на Рогнедѣ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ съ тылу, Владиміръ идетъ къ Кіеву бороться съ государемъ Кіевской и Древлянской земли. Ярополкъ, пораженный разбитіемъ и смертію своего союзника, Рогвольда, оробѣлъ и затворился въ крѣпкомъ Кіевѣ, а Владиміръ, не надѣясь взять города приступомъ и, находя неудобнымъ держать его въ осадѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Ярополковымъ воеводою, Блудомъ, который запугалъ своего государя небывалымъ заговоромъ Кіевлянъ и убѣдилъ удалиться въ Родню. Между тѣмъ Владиміръ занялъ безъ боя Кіевъ, коего граждане не думали вступаться въ Княжескія усобицы, и до того стѣснилъ Ярополка въ Роднѣ, что ему оставалось одно изъ двухъ,— бѣжать къ Печенѣгамъ, или просить милости у брата; по убѣжденію Блуда, онъ рѣшился на послѣднее, и былъ убитъ при входѣ въ теремный дворъ Святославовъ. Эта жестокая война была начата Владиміромъ единственно въ защиту удѣльныхъ правъ противъ Великокняжескихъ насилій: Самъ Владиміръ это ясно говоритъ у Нестора: „Не язъ почахъ братью бити, но онъ; азъ же того убояхся придохъ нань.“ И онъ здѣсь говоритъ правду: власть удѣльныхъ князей и власть Великаго Князя была въ постоянной борьбѣ въ продолженіе всей Русской исторіи до самаго уничтоженія удѣловъ Москвою. Великіе Князья очень рано поняли, что удѣльная система, поддерживаемая только своею Норманскою законностію и пришлыми княжескими дружинами, не съ большими усиліями могла быть уничтожена; ибо, собственно, народъ, надъ которымъ они княжили, ее не признавалъ и не сочувствовалъ ей,

какъ идеѣ чужеземной, пришлой, а не родной, и первоначально даже старался уклоняться отъ всякаго участія въ княжескихъ усобицахъ; таковое направленіе великокняжеской власти, согласное съ мѣстными обстоятельствами, натурально вызывало энергическое противоборство со стороны удѣльныхъ князей, доходившее до жестокости. А потому всѣ усилія удѣльныхъ князей, терзавшія наше отечество, и которыя такъ были порицаемы нашими позднѣйшими лѣтописцами (отнюдь не Несторомъ), не понимавшими дѣла, въ сущности своей были мѣрами законными; а въ началѣ нашей исторіи даже самыя жестокости оправдывались необходимостію. Такъ въ настоящемъ случаѣ: ежели бы Владиміръ не убилъ Ярополка, то навѣрное бы самъ погибъ отъ него; Борисъ, Глѣбъ и Святославъ были убиты Святополкомъ, не смотря на то, что не думали возмущаться противъ него; та же участь ждала Ярослава, ежели бы онъ не успѣлъ вооружиться и не получилъ помощи отъ Новгородцевъ; но самъ же Ярославъ, сдѣлавшись Великимъ княземъ, въ свою очередь не задумался посадить въ порубъ своего брата, Судислава. Вообще, удѣльные князья могли существовать тогда только, когда ихъ было много; въ противномъ случаѣ борьба не могла имѣть средины и всегда должна была кончиться гибелью или Великаго или удѣльнаго князя; и потому всякое средство къ защитѣ, или къ побѣдѣ, было позволительно и законно; и тѣмъ больше со стороны удѣльнаго князя, который, какъ слабѣйшій, шелъ на явную и безпощадную гибель въ случаѣ неудачи. Соображая все сіе, Владиміра здѣсь нельзя упрекать ни въ звѣрствѣ, ни въ жестокости въ отношеніи къ Ярополку; стоитъ только припомнить позднѣйшую исторію Василія Темнаго съ Шемякою. А по сему разсказъ Нестора въ этомъ случаѣ натураленъ и правиленъ: измѣнническое убіеніе Ярополка было въ естественномъ порядкѣ дѣлъ и лѣтописецъ ни осуждаетъ, ни защищаетъ этаго поступка. Въ послѣдствіи времени, когда роды князей размножились и права на великокняжеское достоинство смѣшались съ родовыми отношеніями, порядокъ дѣлъ, въ сущности оставаясь тотъ же, нѣсколько измѣнился въ своихъ частностяхъ, что увидимъ послѣ. Настоящій разсказъ Несторъ заключаетъ объясненіемъ происхожденія Святополка; кажется, онъ этимъ хотѣлъ закинуть впередъ нѣсколько мыслей о будущихъ родовыхъ отношеніяхъ князей; а посему этого мѣста лѣтописи нельзя оставлять безъ вниманія при изученіи удѣльнаго періода въ полномъ его развитіи.

Въ описаніи исторіи Владимірова княженія Несторъ имѣлъ два источника, — народное преданіе и разныя записки; а посему его извѣстія естественно распадаются на два отдѣла: на извѣстія изустныя и письменныя. Къ первымъ принадлежатъ: удаленіе безпокойныхъ Варяговъ изъ Кіева; чествованіе языческихъ боговъ; походы на Ляховъ, Вятичей, Ятвяговъ, Радимичей и Камскихъ Болгаръ; раздѣленіе владѣній между сыновьями; войны съ Печенѣгами; пиры Владиміра; возмущеніе Ярослава и Владимірова смерть; ко вторымъ: посольства разныхъ народовъ съ предложеніями о перемѣнѣ вѣры, посольство Владиміра для испытанія разныхъ вѣръ, походъ подъ Корсунь и крещеніе Владимірово.

Описаніе, какъ Владиміръ удалилъ безпокойныхъ Варяговъ, свидѣтельствуетъ о двухъ важныхъ фактахъ нашей первоначальной исторіи: 1-е, мы здѣсь видимъ, что Кіевское княженіе вовсе не было временною стоянкою Варяговъ, а напротивъ составляло отдѣльное и самостоятельное Государство, которое князья уже не думали мѣнять на удалую дружину бродячихъ воиновъ; 2-е, государство это было въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богатою и образованною Византіею; иначе Владиміръ не могъ писать къ Византійскому Императору, чтобы онъ разсѣялъ идущихъ къ нему Варяговъ и не пускалъ обратно въ Русь. Извѣстіе о чествованіи идоловъ важно для исторіи древней миѳологіи на Руси.

Въ слѣдъ за описаніемъ чествованія идоловъ, Несторъ говоритъ о женолюбіи Владиміра; здѣсь лѣтописецъ помѣстилъ прекрасное поученіе о женахъ добрыхъ и злыхъ. Подобныхъ поученій разсыпано въ лѣтописи довольно много, и всѣ они помѣщены очень кстати, такъ что вездѣ правило поставлено рядомъ съ историческимъ фактомъ, оправдывающимъ его значеніе въ жизни. Очевидно, лѣтописатель хотѣлъ, чтобы его лѣтопись была вмѣстѣ и нравственнымъ кодексомъ для современниковъ и потомства: — мысль, вполнѣ геніальная и самая сообразная съ тѣмъ временемъ и характеромъ народа, по преимуществу практическаго. И очень жалко, что изслѣдователи Нестора до сей поры не удостоивали вниманія эти поученія и считали ихъ лишнимъ грузомъ въ лѣтописи позднѣйшими вставками монаховъ переписчиковъ, тогда какъ они ни по слогу, ни по мыслямъ, не могутъ быть названы позднѣйшими приписками, въ нихъ видны вездѣ свѣтлый умъ и твердое перо Нестора, а потому они заслуживаютъ полное изученіе, какъ вѣрные памятники тогдашняго образа мыслей и взгляда на жизнь.

Между разными походами Владиміра, описанными Несторомъ по словамъ преданія, особенно замѣчателенъ походъ на Камскихъ Болгаръ. Въ этомъ походѣ участвовали Новгородцы; ибо съ Владиміромъ былъ Новгородскій посадникъ, Добрыня, чего мы не замѣчали въ прежнихъ походахъ Кіевскихъ князей. Не въ защиту ли Новгородской торговли Владиміръ предпринималъ этотъ походъ? Вообще, послѣдующая исторія Новгорода ясно доказываетъ, что Новгородцы не охотники были воевать изъ за чужихъ выгодъ. Кажется, и совѣтъ Добрыни, данный Владиміру при осмотрѣ плѣнниковъ: „оже суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотникъ,“ намекаетъ на ту же мысль, что Болгарскій походъ былъ начатъ изъ видовъ Новгородской торговли. Добрыня видѣлъ, что продолженіе войны въ Болгаріи затянется на долго и во всякомъ случаѣ, кончится ли въ пользу Владиміра, или не въ пользу, будетъ невыгодно для торговли; и потому, какъ твердый защитникъ выгодъ, ввѣреннаго ему, народа, довольный первымъ успѣхомъ нападенія, началъ отклонять Владиміра отъ продолженія войны; въ противномъ случаѣ Добрынины слова непонятны, ибо до прежде сего не все же съ лапотниками воевали Кіевскіе князья, не разъ ходившіе на Византію и въ Дунайскую Болгарію, которые преисправно поплачивались имъ богатыми данями. Самая клятва, данная Болгарами при заключеніи міра, говоритъ тоже: „толи не будетъ между нами міра, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути.“ Эти слова довольно сильно намекаютъ, что Болгарская война Владиміра была начата въ слѣдствіе какого-то разрыва мирныхъ сношеній со стороны Болгаръ; *толи не будетъ межу нами міра*, слѣдовательно, миръ бывшій, прежде, нарушили Болгары; но о Болгарскомъ нападеніи лѣтопись не говоритъ ни слова, стало быть, нарушеніе міра было въ торговыхъ отношеніяхъ, торговлю же съ Болгаріею вели Новгородцы. Какъ жаль, что начало Новгородскихъ лѣтописей утрачено! Можетъ быть, тамъ мы нашли бы объясненіе этого дѣла, о которомъ Несторъ говоритъ вскользь, какъ не относящемся къ его Кіевской лѣтописи, и о которомъ бы онъ, конечно, не упомянулъ, если бы въ немъ не участвовалъ Владиміръ.

Крещеніе Кіевскаго народа и вообще всей Руси совершилось предъ глазами всѣхъ; всѣ видѣли, какъ Княжіе приставы низпровергали идоловъ, какъ тащили по улицамъ истуканъ Перуна, влекли его по ручаю и бросили въ Днѣпръ; всѣ были на рѣкѣ, когда Корсунскіе презвитеры совершали крещеніе народа, и нѣ-

которые изъ современниковъ этаго событія жили даже во время Нестора, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, говоря объ одномъ своемъ современникѣ, Печерскомъ старцѣ, *Іереміи, иже помняше крещеніе Русской земли.* Слѣдовательно, всего естественнѣе согласиться, что разсказъ Нестора о крещеніи Кіевскаго народа, въ основѣ своей, есть чистое народное преданіе, украшенное въ концѣ благочестивымъ размышленіемъ. Но нельзя того же сказать о крещеніи Владиміра: подробности этого дѣла рѣшительно были неизвѣстны народу и заимствованы Несторомъ изъ другихъ источниковъ; лучшимъ свидѣтельствомъ здѣсь служитъ сама лѣтопись, въ которой ясно говорится, что современники Несторовы даже не знали путемъ, гдѣ крестился Владиміръ: „Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ; иніи же рѣша: Василеви, друзіи же инако скажютъ.“ Самый разсказъ объ осадѣ и взятіи Корсуня и подробности крещенія указываютъ на письменное сочиненіе, а не на живую рѣчь, и притомъ не на позднѣйшее, но современное, или очень близкое къ событію; ибо многихъ подробностей, помѣщенныхъ въ разсказѣ, нельзя уже было знать при Несторѣ; такъ, на пр., слѣдующее мѣсто явно обличаетъ современника Владиміру: „крестише ся въ церкви Св. Василія, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посредѣ града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дни, а царицына полата за олтаремъ.“ Я осмѣливаюсь думать, что это описаніе составлено Византійцемъ, а не Русскимъ; ибо Корсунскія дѣла, соединенныя съ бракомъ Византійской царевны, едва ли не любопытнѣе были для Грековъ, нежели для Русскихъ, и плачь царей при отправленіи царевны въ Корсунь, и слезы сей послѣдней при отъѣздѣ; и Греческая Кубара, а не ладья, и глазная болѣзнь Владиміра, чудесно изцѣленная, все обличаетъ рѣчь Византійца.

То же должно сказать о посольствѣ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣръ, объ отправленіи Владиміровыхъ пословъ для испытанія, кто лучше служитъ къ Богу, а также о проповѣди Греческаго Философа и о катихизисѣ, данномъ Владиміру въ Корсуни. Все это описаніе носитъ на себѣ печать обдуманнаго письменнаго сочиненія, а не живой рѣчи; подробности, здѣсь помѣщенныя, явно принадлежатъ книгамъ, а не разговору; народное преданіе ихъ не могло знать; здѣсь все направлено къ одной цѣли, чтобы унизить другія вѣры передъ Греческою; вопросы Владиміра и отвѣты проповѣдниковъ рѣшительно писаны Греческимъ Христіаниномъ, Визан-

тійцемъ. Относительно проповѣди Греческаго Философа и Катихизиса, даннаго Владиміру рѣшительно можно сказать, что они еще въ Несторово время, должно быть, ходили въ рукописяхъ, и не по нимъ ли дѣлали оглашенія народу Корсунскіе и Византійскіе миссіонеры; ибо здѣсь сокращенно представлена вся библейская исторія и сводъ всѣхъ пророчествъ о Христѣ, а также искусно совмѣщены всѣ догматы Православнаго вѣроисповѣданія и всѣ Вселенскіе Соборы, именно, все то, что нужно миссіонерамъ при оглашеніяхъ, или проповѣдяхъ къ обращаемому народу. Называть все это позднѣйшими вставками, или даже сочиненіемъ самаго Нестора, значитъ явно идти противъ всѣхъ законовъ логики и исторіи; ибо, во первыхъ, описанные здѣсь предметы, позднѣе на Руси описывались въ другомъ видѣ, чему свидѣтельствомъ служатъ многія Русскія рукописи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ; вовторыхъ, особенно въ Катихизисѣ, изложена самая жаркая полемика противъ ересей, которую могъ написать только Византіецъ X вѣка, живо помнившій, чего стоила Церкви жестокая и продолжительная борьба съ еретиками; въ третьихъ, здѣсь есть много мѣстъ, которыхъ никто не могъ написать даже во время Нестора, и тѣмъ болѣе послѣ него, на примѣръ, обличая развратную жизнь западнаго духовенства, Катихизисъ говоритъ: „възмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвся, служать, а друзіи до седмые жены поимаюче служать.“ А извѣстно изъ Церковной Исторіи, что въ XII вѣкѣ, когда жилъ Несторъ, западное духовенство уже давно все было безбрачнымъ; ибо еще буллою Папы Григорія VII-го всѣ женатые Священники и клирики отрѣшены отъ своихъ должностей. Слѣдовательно, о женатыхъ попахъ въ Италіи можно было говорить только въ X вѣкѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XI-го, но отнюдь не въ XII-мъ. И такъ, обширный трактатъ о вѣрахъ и обращеніи Владиміра къ Христіанству, помѣщенный у Нестора, доселѣ оставляемый нашими историками почти безъ вниманія, заслуживаетъ полное и глубокое изученіе, какъ неподдѣльный памятникъ древности, и какъ подлинный документъ, свидѣтельствующій, какимъ образомъ дѣйствовала Византія при обращеніи Руси въ Христіанство. Это мѣсто лѣтописи особенно важно для историковъ нашей Церкви.

Описаніе Владимірова Княженія Несторъ заключаетъ панегирикомъ сему Великому Князю. Филологическій разборъ этаго памятника древности сюда не относится; а потому я обращу вни-

маніе только на историческую его сторону. Восхваляя Владиміра, Несторъ говоритъ: „Дивно же есть се, колико добра створилъ Рустѣй земли крестивъ ю. Мы же Хрестьяне суще, невъздаемъ почестья противу онаго вздапью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, якоже прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу за нь, въ день представленія его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоитъ запь Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ." Это мѣсто панегирика заключаетъ въ себѣ два важныя свидѣтельства: 1-е, Владиміръ въ Несторово время нашею Церковію еще не былъ торжественно причисленъ къ лику Святыхъ, или, какъ тогда говорили, не вписанъ еще въ сеноникъ; ибо Несторъ убѣждаетъ своихъ современниковъ молить Бога, чтобы онъ прославилъ Владиміра, и это самое объясняетъ, почему такъ бѣдно жизнеописаніе Владиміра, дошедшее до насъ въ разныхъ рукописныхъ житейникахъ, и ничѣмъ не пополняетъ извѣстій, сообщенныхъ Несторомъ; оно составлено по внесеніи Владиміра въ сеноникъ или Святцы, т. е., уже послѣ Несторовой лѣтописи. 2-е, это же мѣсто свидѣтельствуетъ, что панегирикъ Владиміру сочиненъ самимъ Несторомъ, а не позднѣйшая вставка; ибо позднѣе Владиміръ уже встрѣчается помѣщеннымъ въ нашихъ святцахъ. Г-нъ Востоковъ, основываясь на одномъ мѣстѣ Патерика, хранящагося въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № CCCVI-мъ, задаетъ вопросъ: не Ѳеодосій ли, Игуменъ Печерскій, написалъ этотъ панегирикъ Владиміру? Точно, въ помянутомъ спискѣ Патерика, въ заключеніи похвалы Владиміру, сказано: „неизреченную радость, юже буди улучити всѣмъ Крестьяномъ и мнѣ грѣшному Ѳеодосію." Но, хорошо знакомому съ разными редакціями нашихъ Патериковъ и съ своеволіемъ старинныхъ переписчиковъ, мудрено положиться на подобное свидѣтельство: здѣсь имя Ѳеодосія явная вставка съ намѣреніемъ придать больше цѣны рукописи; ибо самый панегирикъ здѣсь помѣщенный, есть не больше, какъ сокращеніе Несторова панегирика, и притомъ такое сокращеніе, въ которомъ выпущены всѣ мѣста, указывающія на то, что Владиміръ при Несторѣ не былъ еще причисленъ Церковію къ лику Святыхъ. Очевидно, что позднѣйшій сокращатель, видя въ современныхъ ему святцахъ имя Князя Владиміра, просвѣтителя Русской земли, выкинулъ въ своемъ сокращеніи все, что противорѣчило этой мысли въ панегирикѣ Нестора, и тѣмъ самымъ обличилъ свою позднѣй-

ную поддѣлку на счетъ Ѳеодосіева имени; притомъ надобно замѣтить, что Востоковъ судитъ только по списку съ рукописи, снятому для Графа Румянцова, самой же рукописи онъ не видалъ и не знаетъ, къ какому вѣку принадлежитъ она.

Вслѣдъ за панегирикомъ Владиміру Несторъ начинаетъ описаніе междоусобія дѣтей его. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ лѣтописи, которое открываетъ законы отношеній между Великими и удѣльными Князьями. Чтобы объяснить это мѣсто съ большею отчетливостію, я начну нѣсколько раньше и обращусь назадъ къ раздѣлу Владиміровыхъ владѣній между дѣтьми, сдѣланному имъ самимъ еще въ 988 году. По этому раздѣлу Кіевъ не былъ назначенъ ни одному Князю; слѣдовательно, право на Великокняжеское достоинство, соединенное съ Кіевскимъ владѣніемъ, не имѣло нужды въ особомъ назначеніи и безспорно принадлежало старшему въ родѣ, что подтверждаютъ и слова Бориса; ибо онъ отвѣчалъ Великокняжеской дружинѣ, предлагавшей ему занять Кіевскій престолъ: „Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго, аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто.“ Также назначеніе Туровскаго удѣла не означало ли кандидатства на Великокняжескій престолъ? Ибо мы въ послѣдствіи увидимъ еще двухъ Туровскихъ Князей кандидатами на Кіевскій престолъ, именно: Святополка Михаила и Вячеслава Владиміровича; впрочемъ, значенія удѣльныхъ городовъ въ послѣдствіи такъ перепутались съ родовыми отношеніями Князей и другими обстоятельствами, что здѣсь ничего нельзя сказать опредѣленно,

Причина междоусобій Святополка съ своими братьями, какъ и Ярополка съ своими, скрывается въ борьбѣ Великокняжеской власти съ удѣльною, къ которой, кажется, присоединилась еще родовая месть. И едва ли можно допустить, чтобы Святополкъ началъ преслѣдованіе братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава въ обезпеченіе своихъ правъ на Кіевъ; ибо этихъ правъ у него никто не оспоривалъ; сомнительное поведеніе Кіевлянъ сначала было не въ защиту правъ Бориса и не по ненависти къ Святополку, а только изъ одного опасенія, что ихъ братья были съ Борисомъ во Владиміровой дружинѣ, какъ ясно свидѣтельствуетъ сама лѣтопись: „и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ.“ По возвращеніи же дружины въ Кіевъ всѣ безпокойства гражданъ миновались, и Святополку не было никакой опасности со стороны братьевъ. Причину Святополковыхъ

дѣйствій лучше всего объясняютъ слова самаго Святополка приведенныя у Нестора: „яко избью всю братью свою, и пріиму власть Руськую единъ.“ Противъ столь яснаго свидѣтельства споръ уже невозможенъ. Поступки Святополковы есть настоящее повтореніе поступковъ Ярополка, и между удѣльными князьями тотъ же порядокъ дѣйствій: Святославъ бѣжитъ въ Угры, вѣроятно и Ярославъ бѣжалъ бы къ Варягамъ, если бы Новгородцы не взялись помочь ему. Несторъ, осуждая убіеніе Бориса и Глѣба, какъ поступокъ противу-нравственный, въ то же время разбираетъ всѣ дѣйствія Святополка со стороны политической и осуждаетъ ихъ, какъ порожденіе юнаго ума, противное основнымъ законамъ Государства, закону удѣловъ: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же Князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтники.“ Здѣсь обвиняются Святополковы совѣтники; точно также прежде вся вина была сложена на Свенельда, убѣдившаго Ярополка начать войну съ Олегомъ, который говорилъ: „поиди на братъ свой, и прими волость его.“ Сіи два, совершенно одинакія, обстоятельства имѣютъ важное значеніе: изъ нихъ видно, что Варяго-Русскіе Князья и ихъ совѣтники, не могши отказаться отъ закона удѣловъ по праву, старались ослабить, или уничтожить, его, фактически; находя это возможнымъ потому, что законъ сей еще не сроднился съ новою Славянскою почвою, и что его первоначально поддерживала одна княжая дружина, а не народъ, который только въ послѣдствіи сталъ вступаться за удѣльныхъ князей, и то, большею частію, по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ. Отсюда происходила постоянная борьба Великокняжеской власти съ удѣльною, давшая нашей исторіи свой самостоятельный характеръ, не похожій ни на чисто Славянскій, ни на Норманскій; борьба сія, въ слѣдствіе разныхъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ, которыя мы увидимъ послѣ, сначала кончилась было не въ пользу Великихъ Князей, но потомъ обстоятельства перемѣнились ко вреду удѣловъ, и, наконецъ, Москва совершенно уничтожила удѣльное разновластіе.

Война Ярослава съ Святополкомъ особенно замѣчательна тѣмъ, что здѣсь Новгородцы подали первый примѣръ участія въ Княжескихъ междоусобіяхъ и указали удѣльнымъ князьямъ домашнее средство защищаться противъ насилія Великокняжеской власти, тогда какъ прежде вся надежда ихъ опиралась на чужеземной наемной дружинѣ. Это вмѣшательство Новгородцевъ, не оставшееся безъ подражанія въ другихъ городахъ, во многомъ измѣ-

нило ходъ послѣдующихъ междоусобныхъ войнъ и на долго отсрочило утвержденіе единодержавія въ Россіи; оно дало нѣкоторую политическую значимость Славянскимъ городамъ, и даже не рѣдко поставляло князей въ какую-то неопредѣленную зависимость отъ городовъ.

Удачный примѣръ противоборства Великокняжеской власти, поданный Ярославомъ, не остался безъ подражателей; ему скоро послѣдовали племянникъ Ярославовъ, Брячиславъ Изяславичь, князь Полоцкій, и, Ярославовъ братъ, Мстиславъ, князь Тмутараканскій.

На другой годъ, по утвержденіи Ярослава въ Кіевѣ, Брячиславъ занялъ Новгородъ и, ограбивъ его, съ добычею и плѣнниками пошелъ назадъ въ Полоцкъ, но, на возвратномъ пути, встрѣченный Ярославомъ на Судомири, потерпѣлъ пораженіе и потерялъ всю добычу, захваченную въ Новгородѣ. Эта война тѣмъ и кончилась; Несторъ ничего не говоритъ о ея послѣдствіяхъ, а въ Новгородской лѣтописи даже не упоминается о нападеніи Брячислава на Новгородъ, а сказано просто: „лѣта 6529-го побѣди Ярославъ Брячислава." Это молчаніе Новгородской лѣтописи о своемъ Новгородскомъ дѣлѣ наводитъ сомнѣніе на извѣстіе Нестора: не изъ однихъ ли видовъ властолюбія воевалъ Ярославъ съ Брячиславомъ? Несторъ же, зная, что война была въ краяхъ Новгородскихъ, назвалъ ее преслѣдованіемъ за разграбленіе Новгорода; въ противномъ случаѣ мудрено допустить, чтобы Ярославъ довольствовался однимъ отнятіемъ добычи и не наказалъ Брячислава примѣрно за явное оскорбленіе Великокняжеской власти, и притомъ не такъ-то легко повѣрить, чтобы Новгородцы, не давно еще помогавшіе Ярославу противъ сильнаго Святополка, не справились сами съ какимъ нибудь Брячиславомъ и допустили его занять Новгородъ; да и почему самъ Брячиславъ, занявши Новгородъ, не оставилъ его за собою? Не ужели какой нибудь Полоцкъ былъ лучше богатаго и сильнаго Новгорода? Всѣ это такіе вопросы, которые, если не уничтожаютъ извѣстія Несторова, то, по крайней мѣрѣ, наводятъ на него сильное подозрѣніе.

Въ 6532 году Ярославъ былъ въ Новгородѣ для усмиренія Суздальскихъ мятежей, происшедшихъ въ слѣдствіе голода и возстанія язычниковъ, предводительствуемыхъ волхвами; въ это время Мстиславъ Тмутараканскій, побѣдитель Касоговъ, явился подъ Кіевомъ, но Кіевляне, подражая примѣру Новгородцевъ, вступились за Ярослава и не приняли Мстислава. Это обстоятельство видимо перемѣнило ходъ дѣла; Мстиславъ утвердился въ Черни-

говѣ, а Ярославъ, чтобы поддержать Великокняжескую власть, пригласилъ Варяговъ изъ за моря и, вмѣстѣ съ ними и съ Новгородцами; пошелъ на Мстислава, Лиственская битва кончилась не въ его пользу, и онъ долженъ былъ бѣжать опять въ Новгородъ; но Мстиславъ предложилъ ему остаться въ Кіевѣ и владѣть правымъ берегомъ Днѣпра; недовѣрчивый Ярославъ послалъ въ Кіевъ своихъ мужей, самъ же остался въ Новгородѣ, и только уже на другой годъ возвратился въ Приднѣпровье съ многочисленнымъ войскомъ и у Городца заключилъ миръ съ Мстиславомъ, по которому Днѣпръ служилъ границею обоихъ княженій.

Походъ побѣдоноснаго Мстислава на Кіевъ проявляетъ новую идею въ нашей исторіи; онъ указываетъ, что Кіевъ и Приднѣпровье сдѣлались центромъ Русской жизни, любимою мечтою удѣльныхъ Князей, которые, какъ скоро увидимъ, лучше хотѣли владѣть какимъ нибудь Приднѣпровскимъ пригородомъ, нежели жить вдали отъ Днѣпра, хотя и въ богатой области. Мстиславъ первый показалъ примѣръ; онъ, очевидно, не искалъ великаго княженія и не хотѣлъ нарушать закона старѣйшинства, ибо самъ предложилъ Великокняжескій престолъ побѣжденному Ярославу: „Сяди въ своемъ Кіевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона;“ и потомъ, до самой смерти своей, былъ вѣрнымъ союзникомъ Ярославу и ходилъ съ нимъ въ Польшу. Могущественный и воинственный, Мстиславъ былъ истинный удѣльный князь, самый высокій образецъ всѣхъ князей; онъ въ одно и то же время свято сохранялъ коренный законъ старѣйшинства, уважалъ Великокняжескую власть и твердо охранялъ права князей удѣльныхъ; при немъ Русь, не смотря на раздробленность, наслаждалась совершеннымъ покоемъ и мелкіе удѣльные князья не были обижаемы Великимъ Княземъ. Но какъ скоро умеръ Мстиславъ, то Великій Князь въ тотъ же годъ засадилъ въ порубъ Псковскаго князя, Судислава, будто бы по клеветѣ, какъ говоритъ Несторъ, но на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, безъ всякой причины, изъ одного желанія стѣснить удѣлы. Мстиславова война была послѣднимъ междоусобіемъ при Ярославѣ.

Внѣшнія войны Ярослава, по свидѣтельству Нестора, преимущественно были направлены къ западу; такъ въ 1022 году Ярославъ ходилъ къ Берестью, т. е., въ сторону нынѣшняго Бреста Литовскаго; въ 1030 году взялъ Белзъ въ той же сторонѣ; въ томъ же году ходилъ на Чудь и построилъ тамъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ; въ 1031 году, вмѣстѣ съ Мстиславомъ, воевалъ

въ Польшѣ и возвратилъ Червенскія города, отнятые было Болеславомъ; въ 1038 году ходилъ на Ятвяговъ; въ 1040-мъ на Литву; въ 1041-мъ на Мазовшанъ. О восточныхъ войнахъ Несторъ не говоритъ ни слова. Очевидно, что при Ярославлѣ Русь спѣшила вдвинуться въ Европу и покорить всѣ полуднія племена, отдѣлявшія ее отъ образованныхъ Европейскихъ государствъ; изъ видовъ сближенія съ Европою Ярославъ воевалъ съ полудкими племенами даже и не для себя; такъ въ 1047 году онъ покорилъ Мазовшанъ для Казиміра Польскаго. Войны Мстислава съ Касогами, какъ самостоятельныя, независимыя дѣйствія удѣльнаго князя, нельзя относить къ дѣламъ Ярослава; война съ Византіею не означаетъ движенія Руси на Востокъ; она была начата и ведена только въ защиту Русской торговли; война съ Печенѣгами, напавшими на Кіевъ въ 1036 году, была только оборонительною войною; отогнавши Печенѣговъ отъ Кіева, Ярославъ болѣе не думалъ о нихъ и не замышлялъ похода въ ихъ степи.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Ярослава, упоминаемыхъ Несторомъ, замѣчательны были слѣдующія: 1-е, въ 1024 году Ярославъ ходилъ въ Суздальскую землю для прекращенія мятежа, происшедшаго въ слѣдствіе голода и возмущенія волхвовъ, которые, пользуясь всеобщимъ бѣдствіемъ въ той сторонѣ, вздумали, кажется, возстать противъ Христіанства и произвесть реакцію въ пользу прежней языческой религіи. Голодъ, вѣроятно, по распоряженію Ярослава, былъ прекращенъ привозомъ хлѣба изъ Камской Болгаріи: „Идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито и тако ожиша;" мятежъ же Ярославъ потушилъ, переловивши волхвовъ и казнивши ихъ, а частію расточивши по разнымъ странамъ.

2-е, въ 1037 году Ярославъ началъ укрѣпленіе и распространеніе Кіева и заложилъ нѣсколько церквей и монастырей. Несторъ говоритъ, что Ярославово время было именно тѣмъ временемъ, съ котораго началось на Руси распространеніе Христіанской Церкви и просвѣщенія. Вотъ его слова: „и при семъ нача вѣра Христіанская плодитися и расширяти, и черноризци почаша множитися, и монастыревѣ починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежаше и почитая е въ нощи въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣнское письмо, и списаша книгы многы, и списка, имиже поучащеся вѣрніи людье, наслаждаются ученья божественнаго. Якоже бо се

нѣкто землю разоретъ, другый же насѣетъ, иниже пожинаютъ и ядять пищю безскудну: тако и сь, Отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное." Это Несторово извѣстіе очень важно для исторіи нашего просвѣщенія: оно, во 1-хъ, свидѣтельствуетъ, что Русь, въ отношеніи къ просвѣщенію, шагнула при Ярославѣ далѣе Дунайской Болгаріи, старшей сестры ся на этомъ пути; Ярославъ уже не довольствовался Болгарскими переводами Греческихъ книгъ, которыя были принесены при Владимірѣ и которыя накупилъ, или, какъ у Нестора, *списка* самъ Ярославъ; онъ велѣлъ переводить на Славянскій языкъ даже тѣ Греческія книги, съ которыми еще не были знакомы и Болгары, наши учители, „и прекладаше отъ Грекъ на Словѣнское писмо." Во 2-хъ, это Несторово мѣсто указываетъ, что въ концѣ XI и началѣ XII вѣка просвѣщеніе, посѣянное Ярославомъ, оказало уже достаточные успѣхи; ибо Несторъ, уже не обинуясь, говоритъ: „сьже насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное," что подтверждается и самыми фактами. Самъ Несторъ былъ знакомъ съ историческою Византійскою литтературою, какъ видно изъ его лѣтописи; сверхъ того, даже до насъ дошли литтературные памятники XII вѣка, каковы: поученія Кирилла Туровскаго, посланіе Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху; посланіе и поученіе къ дѣтямъ самаго Владиміра Мономаха; вопросы Кирика Новгородскому Епископу, Нифонту; прибавленіе къ церковному уставу Новгородскаго и Бѣлгородскаго святителей; посланіе Даніила Заточника. А изученія нашей древнѣйшей литтературы по старинымъ рукописямъ, еще, неразработаннымъ, можетъ быть, откроетъ и иные памятники того времени.

Въ числѣ событій Ярославова Княженія Несторъ упоминаетъ о построеніи Кіево-Печерскаго монастыря. Это извѣстіе имѣетъ свою историческую важность, потому что монастырь сей занималъ очень важное мѣсто въ Кіевской исторіи; онъ былъ образцомъ всѣхъ Русскихъ монастырей, пользовался уваженіемъ всѣхъ современныхъ князей и народа; большею частію его иноки занимали Епископскія каѳедры на Руси; въ немъ, кажется, былъ главный разсадникъ Русскаго просвѣщенія и христіанской ревности. Говоря о Кіевскомъ княженіи, нельзя не упомянуть о Печерскомъ монастырѣ точно также, какъ въ исторіи государства Мо-

сковскаго нельзя пройти молчаніемъ о Троицкой Сергіевой Лаврѣ; даже, кажется, Кіево-Печерскій монастырь былъ для Кіева многозначительнѣе, чѣмъ Сергіева лавра для Москвы. Несторъ очень хорошо понималъ, что, упустивши изъ виду Печерскій монастырь, не вольно должно будетъ оставить неосвѣщенною самую важную сторону народной жизни, именно религіозную жизнь князей и народа; исторія Печерскаго монастыря есть лучшій памятникъ народнаго характера въ Несторово время.

По словамъ Нестора, Ярославъ, передъ смертію, сдѣлалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ жить мирно и слушаться старшаго, которому поручилъ, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ, надзоръ за спокойствіемъ и неприкосновенностію удѣловъ: „наряди сыны своя, рекъ имъ: се азъ отхожу свѣта сего, сыновѣ мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери..... се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу, Кіевъ, сего послушайте якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимирь, а Вячеславу Смоленскъ. И тако раздѣли грады, заповѣдавъ имъ не переступати предѣла братия, ни сгонити, рекъ Изяславу: аще кто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидятъ.“ Это завѣщаніе Ярослава есть чистое повтореніе давноизвѣстнаго закона старѣшинства въ родѣ, на основаніи котораго еще Борисъ говорилъ: „не буди мнѣ взняти руки на брата своего старѣшаго, аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто.“ Но оно имѣетъ большую важность потому, что указываетъ на ослабленіе закона старѣйшинства и соединенной съ нимъ удѣльной системы; иначе же Ярославу не за чѣмъ бы было повторять этотъ законъ въ особомъ завѣщаніи, если бы онъ не замѣчалъ его ослабленія. Притомъ завѣщаніемъ симъ Ярославъ, поручая Великому Князю наблюдать за неприкосновенностію удѣловъ, тѣмъ самымъ удерживалъ его отъ стѣсненія удѣльныхъ князей, слѣдствіе котораго онъ, нѣкоторымъ образомъ, въ свое время испытывалъ на себѣ и еще болѣе видѣлъ на своихъ братьяхъ, Борисѣ, Глѣбѣ и Святославѣ. Ярославъ, утверждая завѣщаніемъ неприкосновенность удѣловъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, молча, дозволялъ удѣльнымъ князьямъ соединяться противъ Великаго князя, если бы онъ рѣшился посягнуть на какой либо удѣлъ. Потомки Ярославовы очень хорошо поняли настоящій смыслъ сего завѣщанія, и не замедлили воспользоваться имъ противъ насилія Великокняжеской власти.

По смерти Ярослава, сыновья его заняли назначенные, по завѣщанію, удѣлы и десять лѣтъ жили въ совершенномъ согласіи между собою, подъ главнымъ управленіемъ Изяслава; къ нимъ въ союзъ вступилъ даже Всеславъ Полоцкій и вмѣстѣ съ ними ходилъ на Торковъ. Но Ярославъ, такъ много заботившійся о порядкѣ и мирѣ между удѣльными князьями, самъ, кажется, первый подалъ поводъ къ раздорамъ и междоусобіямъ; онъ забылъ въ своемъ завѣщаніи своего внука, сироту Ростислава Владиміровича, проживавшаго безъ удѣла въ Новгородѣ. Этотъ Ростиславъ какъ только выросъ, то немедленно составилъ себѣ дружину и пошелъ добывать удѣла; уважая законъ старѣйшинства, онъ не рѣшился занять ни одного Приднѣпровскаго города, гдѣ непремѣнно долженъ былъ столкнуться съ которымъ либо дядею; а по сему ударилъ на отдаленную Тмутаракань и выгналъ оттуда двоюроднаго своего брата, Глѣба Святославича. Святославъ вступился за сына и пошелъ на племянника, почтительный къ дядѣ, Ростиславъ удалился безъ боя; но когда Святославъ, посадивши Глѣба снова въ Тмутаракани, самъ возвратился въ Черниговъ, то Ростиславъ опять выгналъ Глѣба и укрѣпилъ за собою удѣлъ Тмутараканскій. Ростиславъ, истый удѣльный князь, шелъ по слѣдамъ своего дѣда, отцова дяди, Мстислава Владиміровича; забытый въ завѣщаніи Ярославовомъ, но, какъ князь независимый и притомъ старшій внукъ Ярославовъ, имѣвшій первый право на старшій внучій удѣлъ по самому рожденію, онъ пошелъ добывать его силою, и, желая во всемъ соблюсти право старѣйшинства, выбралъ въ предметъ своихъ исканій именно тотъ удѣлъ, которымъ владѣлъ старшій по немъ внукъ Ярославовъ Глѣбъ, слѣдовательно, который прямо долженъ былъ принадлежать ему, какъ имѣющему старѣйшинство передъ Глѣбомъ. Такимъ образомъ и въ самомъ насиліи онъ соблюдалъ свято право старѣйшинства и, нападая не на дядю, а на двоюроднаго брата, который по отцу былъ моложе его, онъ искалъ только своего права, а по сему его нападеніе вовсе не было противузаконнымъ. Въ Несторовомъ описаніи этаго дѣла особенно многознаменательны слѣдующія слова: „Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутараканю, Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявся его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти.“ Съ перваго взгляда, слова сіи кажутся непонятными, ибо какимъ образомъ Ростиславъ могъ сохранить уваженіе къ дядѣ, когда уже отнялъ удѣлъ у его сына? Не хочетъ ли Несторъ этими словами прикрыть трусость Ростислава, испугавшагося дяди?

Конечно, разсматривая дѣло по нынѣшнимъ понятіямъ, этого и нельзя иначе принимать: но въ XI вѣкѣ у насъ на это смотрѣли не такъ; по тогдашнему образу мыслей князь, получившій удѣлъ, становился уже лицемъ самостоятельнымъ и удѣлъ его, отдѣленный старшимъ княземъ отъ своего, болѣе уже непринадлежалъ старшему князю и никогда не могъ быть возвращенъ къ нему безъ нарушенія права, чему примѣровъ много увидимъ послѣ; и, слѣдовательно, кто бы сталъ отнимать у такаго князя удѣлъ, тотъ по праву былъ только его врагомъ, его оскорблялъ, а не старшаго князя, отъ котораго полученъ удѣлъ; хотя старшій князь и могъ вступаться за него по родственнымъ или другимъ отношеніямъ, но не больше, какъ союзникъ, а не хозяинъ удѣла; и въ такомъ случаѣ соперникъ тогда только дѣлался личнымъ врагомъ старшему князю, когда бы лично ему сталъ дѣлать сопротивленіе; уклоняясь же отъ сопротивленія онъ явно показывалъ уваженіе къ старшему и этимъ отнималъ у него право преслѣдованія. Такъ точно поступилъ благоразумный Ростиславъ, хорошо понимавшій законы своего времени; и, обезоруженный его почтительностію и законностью поступковъ, благородный Святославъ отказался отъ преслѣдованія, и даже, по вторичномъ отнятіи Тмутаракани у Глѣба, не заботился о ея возвращеніи. Такимъ образомъ умъ Ростислава и строгое соблюденіе права въ самомъ насиліи опять возстановили тишину и порядокъ удѣловъ, но не надолго; гроза уже сбиралась надъ юною Русью. Впрочемъ, не приступая еще къ разсмотрѣнію послѣдующихъ происшествій, здѣсь не лишнимъ будетъ рѣшить, по возможности, одинъ замѣчательный вопросъ: почему Ярославъ не упомянулъ въ своемъ завѣщаніи о Ростиславѣ? Прямыхъ указаній лѣтописи для разрѣшенія этаго вопроса мы не имѣемъ; а посему необходимо должны довольствоваться одними соображеніями происшествій. Здѣсь исходнымъ пунктомъ вопроса должно принять тогдашнія понятія объ опекѣ. Права опеки въ нынѣшнемъ ея смыслѣ, сколько мы можемъ судить изъ лѣтописей, въ древнія времена на Руси не существовало, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ политическомъ, государственномъ. Малолѣтный неспособный управлять, не управлялъ, и власть переходила къ другому, способнѣйшему, ближайшему родственнику малолѣтнаго, который и управлялъ государствомъ отъ своего имени, какъ своею собственностію, необязываясь даже заботиться о передачѣ власти, когда выростетъ малолѣтный; на такихъ основаніяхъ управляли Русью Олегъ при Игорѣ, который оставался самовластнымъ государемъ

до самой своей смерти, не смотря на то, что Игорь уже давно былъ совершеннолѣтнимъ, и Ольга при Святославѣ, которая, впрочемъ, какъ женщина и мать, въ послѣдствіи уступила правленіе взросшему Святославу, и, конечно, не по законнымъ требованіямъ сына, а по материнской любви и, можетъ быть, по преклонности своихъ лѣтъ; точно также, въ послѣдствіи, Ярославичи по смерти брата своего, Вячеслава, князя Смоленскаго, за малолѣтствомъ сына покойнаго, отдали удѣлъ Игорю Ярославичу, а Бориса Вячеславича, какъ малолѣтнаго, оставили безъудѣльнымъ. Кажется, основываясь на этомъ же правѣ князья на Увѣтичевскомъ съѣздѣ требовали у Ростиславичей Теребовля и обѣщались кормить у себя ослѣпленнаго Василька, по этому же праву не имѣлъ удѣла большой Святославъ Юрьевичь. При такихъ понятіяхъ объ опекѣ Ярославъ очевидно не могъ назначить удѣла малолѣтному Ростиславу и по неволѣ долженъ былъ предоставить это своимъ дѣтямъ, которые, впрочемъ, изъ своихъ выгодъ, не думали исполнять законной обязанности къ одинокому сиротѣ племяннику, и только тогда уже согласились признать его право на удѣлъ, когда онъ рѣшился поддержать его силою.

Но обратимся къ порядку Несторова повѣствованія. Несторъ, какъ предвѣстниковъ грозы, нависшей надъ юною Русью, описываетъ разныя необыкновенныя предзнаменательныя явленія: кровавую звѣзду на западѣ, младенца урода, брошеннаго въ Сетомль, и помраченіе солнца. Это описаніе, съ одной стороны, такъ проникнуто современностію, что, при чтеніи его, невольно переносишься въ тотъ вѣкъ и какъ бы видишь предъ собою народъ, гнетомый какимъ-то безъотчетнымъ и смутнымъ ожиданіемъ чего-то недобраго; съ другой стороны, оно обличаетъ въ Несторѣ большую начитанность Византійскихъ лѣтописей; здѣсь онъ, въ подтвержденіе своего сказанія, говоритъ о подобныхъ явленіяхъ въ Іерусалимѣ при Антіохѣ и Неронѣ, и явленіяхъ при Императорахъ Юстиніанѣ, Маврикіи и Константинѣ иконоборцѣ.

Слишкомъ многосложная система старѣйшинства и неприкосновенности удѣловъ не могла быть надежною и прочною обороною мира и спокойствія: только добросовѣстность, умъ и сила Тмутараканскихъ князей, Мстислава и Ростислава, могли еще поддерживать эту систему и держать въ равновѣсіи Великокняжескую власть и самостоятельность удѣльныхъ князей; но въ наступающее время они оба уже не существовали,—Мстиславъ умеръ еще при Ярославѣ, а Ростислава отравили Греки въ 1065 году;

Изяславъ же съ братьями далеко не могли удовлетворить требованіямъ кореннаго закона удѣловъ; одинъ хотѣлъ единодержавія, а другіе самостоятельности и усиленія родовъ, и борьба должна была возникнуть неминуемо.

Смятенія начались войною Всеслава Полоцкаго въ 1064 годо: „въ се же лѣто Всеславъ рать почалъ," говоритъ лѣтописецъ. Война эта продолжалась два года: въ это время Всеславъ успѣлъ было захватить Новгородъ, но, разбитый, Ярославичами на Немизѣ, принужденъ былъ возвратиться въ Полоцкъ, откуда, черезъ четыре мѣсяца послѣ битвы на Немизѣ, вызванный въ Смоленскъ для переговоровъ о мирѣ, измѣннически былъ схваченъ и отвезенъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ засадилъ его въ подземную темницу вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Причины Всеславовой войны лѣтописецъ не объясняетъ, но, по всему вѣроятію, Полоцкій князь, доселѣ бывшій въ союзѣ съ Ярославичами, началъ войну не изъ желанія пограбить, а, собственно, въ защиту своихъ правъ противъ насилій или притязаній Изяслава, который на немъ, какъ на чужеродцѣ, на первомъ хотѣлъ испытать свою власть; ибо припомнимъ, что Всеславъ напалъ не на удѣльнаго Князя (что, конечно бы, было легче, если бы онъ хотѣлъ только пограбить), но занялъ Новгородъ, принадлежавшій къ владѣніямъ Великокняжескимъ; слѣдовательно, борьба была, собственно, съ Великимъ Княземъ и, кажется, по началу не безъ тайнаго согласія другихъ удѣльныхъ князей; въ противномъ случаѣ очень трудно объяснить, какимъ образомъ одинъ удѣльный князь могъ два года бороться съ Великимъ Княземъ, поддерживаемымъ сильными братьями? Самъ лѣтописецъ, при всемъ уваженіи къ Изяславу и холодности къ князю Полоцкому, не укоряетъ послѣдняго за нападеніе на Новгородъ, а, напротивъ, въ послѣдствіи, при занятіи Кіева, нѣкоторымъ образомъ старается оправдать его и обвинить Изяслава: „*Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я й; тѣмъ же наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный, въ день бо въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „О кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего.*"

На слѣдующій годъ было нашествіе Половцевъ на Русскую землю; Ярославичи встрѣтили ихъ на Альтѣ, но, разбитые, бѣжали: Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Не здѣсь ли уже начинается явная вражда Ярославичей? Бѣглецы раздѣлились: одинъ ушелъ въ Черниговъ, а двое въ Кіевъ. Какъ бы то ни было, но Великій Князь, выгнанный взбунтовав-

шимися Кіевлянами, не искалъ помощи у братьевъ, своихъ удѣльныхъ князей, а убѣжалъ къ постороннему государю, королю Польскому, Казиміру, своему шурину. Очевидно, что удѣльные Ярославичи уже были недовольны Изяславомъ, да и между собою не совсѣмъ согласны, и, кажется, Изяславъ, хотѣлъ привлечь на свою сторону Всеволода. Не принявши таковаго предположенія, мудрено объяснить, какимъ образомъ удѣльные князья, родные братья, не вступились за Великаго Князя и спокойно дозволили занять Кіевъ чужеродцу, темничному узнику Всеславу; тутъ нельзя говорить, что Ярославичи были ошеломлены нашествіемъ Половцевъ; ибо въ слѣдъ же за изгнаніемъ Изяслава изъ Кіева, лѣтописецъ говоритъ о Сновской побѣдѣ Святослава Черниговскаго, который разбилъ 12 т. Половцевъ и успѣлъ даже захватить ихъ князя; слѣдовательно, Ярославичи не больно пугались Половцевъ. Вообще Половецкіе набѣги никогда не были страшны для нашихъ князей, и только княжескія котѡры попускали иногда Половцамъ пограбить ту, или другую область.

При описаніи Половецкаго набѣга и бунта Кіевлянъ у Нестора помѣщено разсужденіе о различіи войнъ и усобицъ и взглядъ на современное состояніе Русскаго народа; это мѣсто, проникнутое народностію и образомъ мыслей того вѣка, заслуживаетъ полное изученіе и показываетъ въ Несторѣ глубокаго знатока обязанностей историка, который хорошо понимаетъ, что ему должно изображать не одни произшествія, но и современный образъ мыслей народа, дѣйствующаго въ произшествіяхъ. А въ описаніи Кіевскаго мятежа столько правды, простоты, выразительности и стройности, что невольно благоговѣешъ предъ геніемъ Нестора, который не устарѣлъ въ продолженіи слишкомъ семисотъ лѣтъ.

Чрезъ семь мѣсяцевъ, Изяславъ съ Поляками пошелъ отъискивать потеряннаго Кіевскаго престола; Всеславъ вышелъ было противъ него къ Бѣлгороду, но, не надѣясь на вѣрность Кіевлянъ, тайно ушелъ въ Полоцкъ. Кіевляне, встревоженные бѣгствомъ князя, возвратились домой и, по рѣшенію вѣча, послали къ Святославу и Всеволоду, чтобы они заняли Кіевъ: „А пойдета въ градъ отца своего; ащели не хочета, то намъ не воля: зажегше градъ свой вступимъ въ Грецкую землю." Ярославичи успокоили Кіевлянъ посольствомъ къ Изяславу, чтобы онъ не водилъ на Кіевъ Ляховъ: „Противна бо ти нѣту; ащели хощеши гнѣвъ имѣти, и погубити градъ; то вѣси, яко нама жаль отня стола." Изяславъ уступилъ требованію братьевъ, отослалъ отъ себя Польское вой-

ско и только съ немногими вступилъ въ Кіевъ; отправленный имъ напередъ сынъ его, Мстиславъ, казнилъ главныхъ зачинщиковъ прежняго бунта въ Кіевѣ; самъ Изяславъ, пришедши въ городъ, перевелъ торгъ на гору изъ опасенія вторичнаго возмущенія, Всеслава же прогналъ изъ Полоцка и посадилъ тамъ своего сына. Здѣсь уже виденъ перевѣсъ удѣльныхъ князей; въ это смутное время Великокняжеская власть чуть не потеряла своего значенія; перессорившійся съ братьями, Изяславъ выгнанъ возмутившимися Кіевлянами и за него ни одинъ братъ не вступился; чужеродецъ Всеславъ, посаженный на его мѣсто, не успѣлъ еще ничего сдѣлать и былъ доволенъ что его не тревожили удѣльные князья; возвращается Изяславъ съ Поляками, а удѣльные князья, вмѣсто готовности принять его, требуютъ, чтобы не водилъ чужеземцевъ въ Кіевъ и грозятъ: „*вѣси, яко нама жаль отня стола,*“ и Великій Князь уступаетъ ихъ требованіямъ безъ возраженій. И такъ Ярославовъ завѣтъ и коренный исконный законъ старѣйшинства нарушены: младшіе приказываютъ старшему и онъ исполняетъ ихъ требованія; на Руси болѣе нѣтъ верховнаго главы; каждый удѣлъ есть уже самостоятельное, отдѣльное, независимое государство; и только законъ родства и почтеніе къ гробамъ, предковъ похороненныхъ въ Кіевѣ, поддерживаютъ какую-то слабую связь между князьями. Великій Князь не только теряетъ свое моральное значеніе, но даже матеріально является очень слабымъ въ сравненіи съ Черниговскимъ Княземъ, Святославомъ, который, кромѣ Чернигова, Рязани, Мурома, земли Вятичей и Тмутаракани, доставшихся, по раздѣлу Ярославову, завладѣлъ уже Бѣлымъ-озеромъ, гдѣ у него былъ даньщикомъ Янъ Вышатичь, и Новгородомъ, въ которомъ сидѣлъ сынъ его, Глѣбъ. Когда именно завладѣлъ всѣмъ этимъ Святославъ, у Нестора не сказано; впрочемъ, изъ первой Новгородской лѣтописи видно, что Глѣбъ Святославичь уже въ 1069 году удачно отразилъ Всеслава отъ Новгорода; слѣдовательно, занятіе Новгорода Святославомъ было до вторичнаго изгнанія Изяслава изъ Кіева и, вѣроятно, въ тѣ семь мѣсяцевъ, когда Кіевскимъ Княземъ былъ Всеславъ.

Въ 1071 году Всеславъ возвратилъ свой родовой удѣлъ, Полоцкъ, и выгналъ оттуда Изяславова сына, Святополка; и ни одинъ удѣльный князь не подумалъ вступиться ни за Всеслава, ни за Изяслава явно, въ противность Ярославову завѣщанію—помогать обиженному. Еще годъ послѣ этаго прошелъ въ покоѣ, и Ярославичи съѣзжались въ Вышгородъ на перенесеніе мощей Бориса

и Глѣба и обѣдали вмѣстѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, съ любовью великою. Но эта любовь, очевидно, скрывала какой либо замысе́лъ, ибо на другой же годъ могущественнѣйшій изъ Ярославичей, Святославъ Черниговскій, сговорясь съ Всеволодомъ, выгналъ Изяслава изъ Кіева и объявилъ себя Великимъ Княземъ; Изяславъ опять бѣжалъ въ Польшу съ большимъ имѣніемъ, думая сънскать себѣ заступниковъ, но тамъ его обобрали и указали путь; вторичное бѣгство Изяслава доказываетъ, что онъ на Руси не имѣлъ никакой защиты. Святославъ же, въ основаніи разрушивши завѣтъ отца и законъ старѣйшинства, придумалъ новый оборотъ дѣлъ; не имѣя права на старѣйшинство и не видя возможности одному владѣть всею Русью, онъ рѣшился удержать за собою власть усиленіемъ своего рода, и посему разсадилъ своихъ сыновей на всемъ протяженіи Руси отъ сѣвера къ югу: старшій его сынъ, Глѣбъ, княжилъ въ Новгородѣ, Олегъ въ Чернигове, Романъ въ Тмутаракани; разумѣется, къ этимъ главнымъ точкамъ принадлежало много другихъ областей, на примѣръ, Глѣбъ, кромѣ Новгорода, владѣлъ Ростовомъ, Бѣлымъ-озеромъ и Поволожьемъ. Такимъ образомъ, Святославъ, не уничтожая удѣловъ, безъ старѣйшинства утвердилъ за собою верховную власть и былъ столько силенъ, что никто не осмѣлился противъ него вступиться за Изяслава. Но скорая смерть не дозволила Святославу устроить дѣла и привести къ концу свою систему усиленія рода.

Съ смертію Святослава, впрочемъ, не умерла его система; только усиливаться сталъ не его родъ. Послѣ Святослава Кіевскимъ или Великимъ Княземъ, сперва было сдѣлался Всеволодъ, но, чрезъ полгода, Изяславъ возвратился съ Поляками, и Всеволодъ, на выгодныхъ условіяхъ, уступилъ ему Кіевъ; и сіи два послѣдніе Ярославича подѣлили Русскую землю между своими родами на счетъ Святославова рода. Во первыхъ, за уступку Кіева, Изяславъ уступилъ Всеволоду Черниговъ, а тамошняго князя Олега, Святославича, оставилъ безъ удѣла на житьѣ у Всеволода; потомъ, Всеводову сыну, Мономаху, отдалъ Смоленскъ, своего старшаго сына, Святополка, посадилъ въ Новгородѣ на мѣсто Глѣба, убитаго въ Заволочьѣ, а меньшаго, Ярополка, помѣстилъ въ Вышегородѣ. Такимъ образомъ могучій родъ Святославовъ, владѣвшій болѣе, нежели половиною Руси, въ одинъ годъ такъ обѣднялъ, что остался при одной Тмутаракани, куда къ Роману пришелъ и Олегъ, бѣжавшій отъ Всеволода. Съ Олегомъ вмѣстѣ пришелъ въ Тмутаракань другой безъудѣльный князь, сирота Борисъ Вячесла-

вичь; оба они подговорили Половцевъ и, съ ихъ полчищами, пошли отыскивать удѣловъ; на первый разъ они заняли Черниговъ, откуда Всеволодъ бѣжалъ къ Великому Князю, который немедленно вооружился противъ обиженныхъ племянниковъ. Умный Олегъ хотѣлъ было вступить въ переговоры съ дядями, но Борисъ на это не согласился и началась Нежатинская битва, на которой Борисъ и Изяславъ пали, Олегъ убѣжалъ опять въ Тмутаракань, Всеволодъ же сдѣлался Великимъ Княземъ, а Черниговъ отдалъ сыну своему, Владиміру Мономаху. Такимъ образомъ законъ старѣйшинства, по видимому, опять получилъ свою прежнюю силу; но, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ только благовиднымъ прикрытіемъ Святославовой системы усиленія родовъ: Всеволодъ точно былъ старшимъ изъ наличныхъ князей, но, конечно, не старшинство, а сила доставила ему Великокняжескій престолъ. И такъ завѣтъ Ярославовъ, которымъ онъ думалъ поддержать на долго законъ старѣйшинства, не просуществовалъ и одной четверти вѣка; въ продолженіе трехкратнаго княженія Изяслава все Ярославово изчезло, и только старый законъ старѣйшинства остался влачить дни свои, но уже не для себя, а для прикрытія новыхъ идей, къ которымъ еще не привыкли люди.

Несторъ поступилъ съ большею отчетливостію въ описаніи Изяславова Княженія, столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ и произведшаго большой переворотъ въ политическомъ устройствѣ древней Руси; онъ не только добросовѣстно передалъ намъ политическую исторію того времени, но удачно познакомилъ насъ и съ другими сторонами народной жизни. Его описаніе Кіевопечерскаго монастыря и тамошнихъ иноковъ, прославившихся подвигами благочестія, заслуживаетъ полное изученіе и превосходно очеркиваетъ религіозную сторону народной жизни; а разсказы о волхвахъ и кудесникахъ, являвшихся въ Новгородѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Бѣлѣ-озерѣ, и производившихъ большія движенія въ народѣ, указываютъ намъ на нравственную и умственную сторону народнаго духа. Изъ всѣхъ этихъ описаній, съ перваго взгляда кажущихся приставными и лишними, вытекаетъ полная и стройная исторія Руси XI вѣка; здѣсь мы видимъ, какъ возможность многихъ политическихъ событій утверждается на нравственныхъ явленіяхъ, и какъ, на оборотъ, сіи послѣднія получаютъ свою достовѣрность отъ первыхъ. Здѣсь заслуга и умъ Нестора—неоцѣнимы; онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подмѣтить движеніе и борьбу стараго съ новымъ и новаго со старымъ, борьбу элемента Скандинав-

скаго съ Славянскимъ и Христіанства съ язычествомъ, и передалъ эту борьбу съ изумительною точностію. Несторово описаніе Изяславова княженія заслуживаетъ глубокое изученіе; этотъ періодъ времени есть одинъ изъ важнѣйшихъ во всей Русской исторіи: до Изяслава можно сказать наша лѣтописная Русь, т. е, смѣсь пришельцевъ съ туземцами, только знакомилась сама съ собою и каждая сторона только еще пытала свои силы, но при Изяславѣ это знакомство разрѣшилось борьбою разностороннихъ идей, которая (борьба) на долго установила ходъ событій въ нашей Исторіи. Несторъ вполнѣ понялъ важность этаго времени, и посему не удовольствовался одною исторіею Кіева, какъ дѣлалъ прежде; но, по возможности, распространилъ свой взглядъ на всю Русь и преимущественно, сосредоточилъ свое вниманіе на обще-Русскихъ событіяхъ.

Говоря о Несторѣ, какъ о вѣрномъ и глубокомысленномъ историкѣ, нельзя пропустить безъ вниманія и художническую сторону его лѣтописи. Посмотрите, какъ у него величественно и характерно описаніе похоронъ Изяслава; сколько правды, сколько современности и художническаго достоинства въ этомъ, по видимому, безъискуственномъ разсказѣ! „Убіенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца Октября въ 3 день, и埋 вземше тѣло его привезоша ѝ въ лодьи и поставиша противу Городьцю: изиде противу ему весь городъ Кіевъ, и взложивше тѣло его на сани повезоша ѝ, съ пѣсьми поповѣ и черноризьци понесоша ѝ въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, плакабося по немъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: „Отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою.“ И принесше положиша тѣло его въ церкви Св. Богородица, вложивъше ѝ въ раку мраморяну.“ Всеобщій плачь Кіевлянъ — лучшее свидѣтельство достоинства Изяслава, какъ народнаго правителя, что, впрочемъ, еще не отвѣчаетъ за его государственную политику, и послѣдующій у Нестора за описаніемъ похоронъ панегирикъ Изяславу едва ли оправдаетъ его передъ потомствомъ.

По смерти Изяслава великое княженіе, по праву старѣйшинства и по силѣ, досталось хитрѣйшему изъ сыновей Ярославовыхъ, Всеволоду, который, въ продолженіи всего періода времени, отъ смерти отца до кончины Изяславовой, держался то стороны Изя-

слава, то Святослава, и какъ осторожнѣйшій изъ братьевъ, умѣлъ снискать любовь обоихъ, и незамѣтно до того успилилъ свой родъ, что, по смерти Изяслава, сдѣлался могущественнѣйшимъ княземъ; такъ что ему принадлежали, кромѣ родоваго Переславкаго удѣла, Черниговъ и Смоленскъ, богатѣйшіе города того времени. Сдѣлавшись Великимъ Княземъ, онъ принялъ за правило слѣдовать Святославовой системѣ усиленія своего рода, и, въ продолженіи пятнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, до того успѣлъ въ этомъ дѣлѣ, что его сыну, Мономаху, по смерти отца принадлежала чуть не вся Русь. Первымъ дѣломъ Всеволода было отстраненіе отъ удѣльной власти всѣхъ потомковъ Святослава и Ростислава и, по возможности, сокращеніе удѣловъ, принадлежащихъ Изяславичамъ. Сперва онъ отдалъ своимъ дѣтямъ Черниговъ, Переяславль и Смоленскъ, Ярополку же, Изяславову сыну, далъ Владиміръ Волынскій и Туровъ, а Святополка, старшаго Изяславова сына, оставилъ, по прежнему, въ Новѣгородѣ, за Святославовымъ же родомъ осталась одна Тмутаракань, гдѣ княжилъ Романъ Святославичь. Этотъ князь, желая возвратить своему роду Черниговъ, гдѣ были гробы его отца и брата, въ 1079 году повелъ на Русь Половцевъ; хитрый Всеволодъ съумѣлъ купить миръ у Половецкихъ князей, которые и убили Романа, а брата его, Олега, отвезли въ Константинополь въ заточенье, вѣроятно, по распоряженію Всеволода, который немедленно присоединилъ Тмутаракань къ своимъ владѣніямъ и посадилъ тамъ своего посадника, Ратибора.

Въ 1081 году два безъудѣльные Князя, Давыдъ Игоревичь и Володарь Ростиславичь, проживавшіе, можетъ быть, подъ присмотромъ у самаго Всеволода, бѣжали тайно въ Тмутаракань и завладѣли этой областью; черезъ годъ явился туда Олегъ Святославичь изъ Греціи и занялъ эту страну, какъ свой родовой удѣлъ. Въ 1084 году еще два безъудѣльныхъ князя, Рюрикъ и Василько Ростиславичи, жившіе у Ярополка, во время его поѣздки въ Кіевъ, убѣжали и, собравъ дружину, самаго его выгнали изъ Владиміра; но, посланный Всеволодомъ, Мономахъ, старшій сынъ его, прогналъ Ростиславичей и возвратилъ Владиміръ Ярополку. Между тѣмъ въ это же время отважный и воинственный Давыдъ Игоревичь напалъ на Греческихъ купцевъ въ Олешьѣ и захватилъ ихъ въ плѣнъ съ ихъ товарами; Всеволодъ, желая поддержать Греческую торговлю, вызвалъ Давыда въ Кіевъ и уступилъ ему Дорогобужъ. Далѣе лѣтопись говоритъ о возмущеніи Ярополка, но едва ли это

было такъ; ибо нигдѣ нѣтъ и помину о приготовленiяхъ этаго князя къ войнѣ; конечно, онъ не могъ одинъ воевать противъ могучаго Всеволода, слѣдовательно, для него нужны были союзники; а лѣтописецъ не только не упоминаетъ объ нихъ, но даже и про самаго Ярополка говоритъ, что онъ тотчасъ, при появленiи посланнаго Всеволодомъ Мономаха, бѣжалъ къ Ляхамъ, оставя во власти враговъ мать, жену, дѣтей и дружину и не мало не думая о сопротивленiи; а Ярополкъ былъ не изъ робкихъ, какъ выше говоритъ самъ же лѣтописецъ; слѣдовательно, очень мудрено, чтобы воинственный князь, готовившiйся къ войнѣ съ Всеволодомъ, при появленiи Мономаха, безъ боя убѣжалъ въ Польшу. Гораздо естественнѣе согласиться, что властолюбивый и хитрый Всеволодъ тѣснилъ Ярополка, и послалъ Мономаха только по тому, что племянникъ можетъ быть осмѣлился въ переговорахъ отстаивать права удѣльнаго князя; на это указываетъ и вызовъ Ярополка въ Кiевъ за годъ передъ его мнимымъ возмущенiемъ. Это же подтверждаетъ и послѣдующiй поступокъ Ярополка; онъ не привелъ Поляковъ на Русь, а спокойно согласился принять миръ на условiяхъ, предложенныхъ Всеволодомъ. Конечно, Несторъ не могъ знать переговоровъ, веденныхъ тайно; по сему посылку Мономаха на Владимiръ принялъ слѣдствiемъ Ярополкова возмущенiя.

Между тѣмъ Рюрикъ Ростиславичь успѣлъ занять Перемышль, а братъ его, Василько, кажется, Теребовль; Всеволодъ ходилъ было на Рюрика въ 1084 году, но, кажется, безъ успѣха. Ростиславичи, захватившіе себѣ удѣлы, очевидно, противъ воли Великаго Князя, воинственные по природѣ, всегда были готовы къ отраженiю властолюбиваго Всеволода и, подобно Святославичамъ, кажется, находились въ постоянныхъ связяхъ съ Половцами; и, зная, что не усиливая своихъ удѣловъ, не могутъ существовать безопасно въ сосѣдствѣ съ сильнымъ Всеволодовымъ родомъ, они, при помощи Половцевъ, удачно воевали съ сосѣдними Ляхами и на ихъ счетъ увеличивали свои удѣлы. Всеволодъ же, занятый утомительною войною съ Половцами, занявшими Прилукъ, Пѣсоченъ, Переволоку и другія мѣста, по необходимости, смотрѣлъ какъ бы сквозь пальцевъ, на усиленіе нѣкоторыхъ, неопасныхъ для него, удѣльныхъ Князей, довольный тѣмъ, что они не тревожили его владѣнiй.

Кажется, безъошибочно можно сказать, что всѣ Полоцкія войны этаго времени рѣшительно были подготовляемы младшими удѣльными князьями, обдѣленными Всеволодомъ, заботившимся толь-

ко объ усиленіи своего рода. Князья сіи, не имѣя силъ вступить въ явную борьбу съ Великимъ Княземъ, и зная по опыту надъ Изяславичами, что онъ не упуститъ случая стѣснить ихъ при первой удобности, всѣми силами старались вооружать Половцевъ, дабы, такимъ образомъ, держать его въ постоянной тревогѣ. Половцы здѣсь именно были, можетъ быть, не зная того сами, защитниками удѣльныхъ князей отъ насилія Великокняжеской власти, могущественной своимъ родомъ. Несторъ не говоритъ объ этомъ прямо; но изъ всей исторіи Всеволода мы нигдѣ не видимъ, чтобы младшіе князья не его рода участвовали въ войнахъ съ Половцами, и чтобы Половцы нападали на ихъ владѣнія; все это явно указываетъ, что нападенія были не на Русь, а только на Всеволодовъ родъ, и, слѣдовательно, возбуждались происками младшихъ князей, бывшихъ въ тайномъ союзѣ съ Половцами и, кажется, главными дѣйствователями въ этомъ союзѣ были Ростиславичи и Святославичи, ближайшіе сосѣди Половцевъ, и. можетъ быть, удалой Давыдъ Игоревичь, который, какъ увидимъ послѣ, былъ хорошо знакомъ со всѣми Половецкими князьями.

Результатомъ Всеволодова Княженія была крововая вражда противъ его рода, такъ что умный и добрый Мономахъ по смерти отца нашелся вынужденнымъ уступить Великокняжескій престолъ старшему изъ всѣхъ князей, Святополку, сыну Изяславову: ему оставалось только это одно средство, чтобы избѣжать всеобщей жестокой войны и сколько нибудь примирить свой родъ съ другими родами, въ чемъ онъ и не ошибся. Эта уступка Великокняжескаго престола старшему въ родѣ, безъ всякой обиды для другихъ, сдѣлала его главою удѣльныхъ князей, посредникомъ и миротворцемъ во всѣхъ княжескихъ разпряхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе усилила его родъ и приготовила его будущее могущество въ Руси.

Несторовъ панегирикъ Всеволоду довольно вѣрно характеризуетъ этаго Князя. Чтобы яснѣе видѣть отличительныя черты Всеволодова характера, я представлю ихъ въ параллели съ характеромъ Изяслава, описаннымъ также въ Несторовомъ панегирикѣ. Вотъ Изяславъ: „Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидя, любя правду; не бѣ въ немъ льсти, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло.“ А вотъ и Всеволодъ: „Сіи бо благовѣрный Князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогія, вздая честь Епископомъ и презвутеромъ, излихаже любяше черноріс-

ци, подаяше требованье имъ; бѣже и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти.“ Какая разница между братьями. Одинъ красивый, величественный, откровенный, простой, добродушный и, кажется, веселый въ жизни; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не выставляетъ воздержности въ числѣ его достоинствъ; другой же богомольный, видимо внимательный къ убогимъ, искательный передъ духовенствомъ, которое имѣло большое вліяніе на народъ, строгій къ самому себѣ въ отношеніи къ воздержанію и чистоты нравовъ, слѣдовательно, человѣкъ осторожный, скрытный, по отнюдь не откровенный и не добродушный. Это чуть не Олгердъ XIго вѣка; его, кажется, нельзя было застать въ расплохъ: онъ всегда ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами; ему далеко уступали въ политическомъ умѣ всѣ, окружавшіе его современники; но за то, какъ въ правителѣ народа, въ немъ недоставало многаго. Слишкомъ занятый княжескою политикою, онъ, кажется вовсе забывалъ о народѣ; при немъ тіуны грабили и продавали граждапъ, а онъ не думалъ за нихъ вступаться, и народъ очевидно не любилъ его, и не проронилъ слезинки на его похоронахъ, которые вотъ какъ описываетъ Несторъ: „преставися тихо и кротко. Володимеръ же плакася съ Ростиславомъ братомъ своимъ, спрятаста тѣло его, и собрашася Епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простіи людье, вземше тѣло его, со обычными пѣсними положиша и въ Святѣй Софьи.“ Какъ все чинно и холодно! Гдѣ жъ любовь народная? Какое сравненіе съ похоронами Изяслава, гдѣ, за плачемъ и воплемъ народнымъ, не было слышно церковнаго пѣнія: „и небѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, плака бо ся по немъ весь градъ Кіевъ.“ Всеволодовыхъ похоронъ даже нельзя сравнить съ погребеніемъ удѣльнаго князя, Ярополка, о которомъ сказано въ лѣтописи: „и вси Кіяне великъ плачь створиша надъ нимъ, со псалмы и пѣсними проводиша и до Св. Дмитрея.“

Княженіе Святополково въ Кіевѣ началось жестокою войною съ Половцами. Половцы, узнавши о смерти Всеволода, отправили къ новому Великому Князю посольство съ предложеніемъ о мирѣ; неосторожный Святополкъ задержалъ пословъ подъ стражею. Оскорбленные этимъ, Половцы, начали войну и приступили къ Торческу; Святополкъ вооружился противъ нихъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ и братомъ его, Ростиславомъ; они встрѣтились у Триполя и были разбиты; Святополкъ съ Мономахомъ едва ушли, а Ростиславъ погибъ при переправѣ черезъ Стугну

Между тѣмъ осада Торческа продолжалась; Святополкъ пошелъ было въ другой разъ на выручку къ осажденнымъ, но, снова, былъ разбитъ на Желани и едва самъ-третей ушелъ въ Кіевъ. Наконецъ, Торческъ сдался, Святополкъ заключилъ съ Половцами миръ и женился на дочери Половецкаго князя, Тугоркана. Я осмѣливаюсь думать, что этотъ Половецкій походъ былъ подготовленъ младшими удѣльными князьями, обиженными Всеволодомъ, противъ Всеволода, а не Святополка. На эту мысль наводитъ сказаніе самаго Нестора, который говоритъ: „Въ се время поидоша на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ.“ Здѣсь прямо говорится, что Половцы, при началѣ похода, еще не знали о смерти Всеволода, услыхавши же о ней, тотчасъ перемѣнили свое намѣреніе, и, не найдя въ живыхъ того, на кого были посланы, предложили миръ Святополку, и начали съ нимъ войну только уже въ слѣдствіе оскорбленія ихъ посольства. Окончаніе Половецкой войны было вызовомъ къ возстанію для обиженныхъ удѣльныхъ князей, которые, избавившись отъ страшнаго Всеволода, рѣшились уже дѣйствовать отъ своего лица, и тѣмъ скорѣе поспѣшили приняться за дѣло, что увидали непрочность Святополкова союза съ Мономахомъ; ибо, конечно, дошло до ихъ свѣдѣнія, что передъ Трипольскою битвою союзники долго считались между собою и едва были убѣждены отложить ссору до окончанія войны. Лѣтопись прямо говоритъ: „И взяста межи собою разпря и которы.... и рѣша има мужи смысленіи: почто вы распря имата межи собою? А поганіи губятъ землю Русьскую; послѣди ся уладита.“ Эти послѣднія слова лѣтописи даже намекаютъ на то, что союзъ Мономаха съ Святополкомъ уже былъ разорванъ, что подтверждаетъ и Желаньская битва Святополка, въ которой Мономахъ не участвовалъ, очевидно, въ слѣдствіе раздора, о чемъ безъ сомнѣнія, также знали обиженные удѣльные князья.

Первый изъ обиженныхъ князей поднялся Олегъ Святославичь Тмутараканскій. Онъ въ тотъ же годъ, какъ кончилась Половецкая война, напалъ на Мономаха и отнялъ у него свой родовой городъ, Черниговъ. Олегъ очень вѣрно разчелъ, что Святополкъ не вступится за Мономаха, оставившаго его въ Желаньской битвѣ, и вполнѣ успѣлъ въ своемъ предпріятіи: Мономахъ не только оставилъ Черниговъ послѣ осмидневной жестокой битвы, какъ самъ говоритъ въ своемъ поученіи, но даже отступился отъ всѣхъ земель Приокскихъ, принадлежавшихъ къ Чер-

ниговскому удѣлу, ибо мы уже видимъ на другой годъ Олегова посадника въ Муромѣ. Въ слѣдъ за Олегомъ, кажется, поднялся другой безъудѣльный Святославичь, Олеговъ братъ, Давыдъ, и занялъ Смоленскъ, принадлежавшій Мономаху. Это движеніе Святославичей, устремленное только на одинъ Всеволодовъ родъ, завладѣвшій ихъ родовыми удѣлами, примирило Мономаха съ Святополкомъ. И на другой годъ мы уже видимъ Святополкова мужа, Славяту, въ Переяславлѣ, присланнаго отъ своего Князя на нѣкое орудіе къ Владиміру; это нѣкое орудіе, кажется, было ничто иное, какъ договоръ о войнѣ съ Половцами, которая и началась измѣническимъ убіеніемъ Половецкихъ Князей, Итларя и Китана, пришедшихъ на миръ къ Владиміру. Послѣ чего союзники потребовали, чтобы Олегъ присталъ къ нимъ и убилъ или выдалъ имъ бывшаго у него Итларевича: но Святославичь, не надѣясь на ихъ дружбу, не рѣшился измѣнить своимъ союзникамъ, Половцамъ, и они принуждены были заключить съ Половцами вторичный миръ, даже съ уступкою Юрьева. По окончаніи второй Половецкой войны, Святополкъ съ Мономахомъ пошли на Давыда, слабѣйщаго изъ Святославичей, и потребовали чтобы онъ оставилъ Смоленскъ, въ замѣнъ котораго предложили, Новгородъ, на что онъ сперва согласился, но, вскорѣ, опять занялъ Смеленскъ; Новгородцы же пригласили къ себѣ Мономахова сына, Мстислава, княжившаго въ Ростовѣ. Мономахъ на этотъ разъ оставилъ Давыда въ покоѣ, и даже, кажется, вмѣстѣ съ Святополкомъ, утвердилъ за нимъ Смоленскій удѣлъ, можетъ быть, желая привлечь его къ себѣ и удалить отъ Олега, противъ котораго замышлялъ жестокую войну, и въ тотъ же годъ началъ ее, приказавъ своему сыну, Курскому князю, Изяславу, занять Муромъ.

Въ началѣ 1096 года Мономахъ, вмѣстѣ съ Святополкомъ, потребовалъ Олега въ Кіевъ на судъ передъ духовенствомъ, боярами и народомъ за неучастіе въ походѣ противъ Половцевъ; Олегъ, напередъ зная, что судъ кончится не въ его пользу, отвѣчалъ: „Нѣсть мене лѣпо судити Епископу, ли Игуменомъ, ли смердомъ.“ Великій Князь и Мономахъ, кажется, того только и ждавшіе, немедленно пошли на Черниговъ и выгнали оттуда Олега, погнались за нимъ далѣе и осадили въ Стародубѣ. Осада продолжалась слишкомъ мѣсяцъ и Олегъ, навѣрно, не ушелъ бы отъ рукъ своихъ враговъ, которые, кажется, рѣшились, во что бы ни стало, поймать его, но его выручили Половцы, вѣроят-

но, по его приглашенію осадившіе двумя ордами Кіевъ и Переяславль. Святополкъ и Мономахъ, боясь потерять свои столицы, поспѣшили помириться съ Олегомъ, обязавъ его идти въ Смоленскъ, къ брату своему Давыду, и, вмѣстѣ съ нимъ, явиться въ Кіевъ. Олегъ, оставя Стародубъ, ушелъ въ Смоленскъ, и тамъ, собравъ войско, пошелъ добывать города, принадлежавшіе Черниговскому удѣлу и занятые Мономаховичами. Пользуясь войною Половецкою, онъ отнялъ у Мономахова сына, Изяслава, Рязань и Муромъ; потомъ, ободренный успѣхомъ, занялъ землю Суздальскую и Ростовскую. Новгородскій Князь, Мстиславъ Владиміровичь, потребовалъ чтобы онъ удалился изъ владѣній Всеволодова рода, и спокойно княжилъ въ Муромской и Рязанской землѣ. Олегъ на это не согласился и двинулся къ Новгороду; готовый къ войнѣ, Мстиславъ началъ походъ, почти безъ сопротивленія дошелъ до Суздаля, но здѣсь Олегъ приготовился дать отпоръ на Клязмѣ: четыре дни противники стояли другъ передъ другомъ; между тѣмъ Мономахъ прислалъ къ Мстиславу другаго своего сына, Вячеслава, съ наемнымъ Половецкимъ войскомъ, и началась битва на Кулачьцѣ, гдѣ Мстиславъ, поддерживаемый Половцами, одержалъ побѣду и Олегъ, разбитый, бѣжалъ сперва въ Рязань, а потомъ, оставилъ и этотъ городъ, должно быть укрылся въ Смоленскѣ. По всему вѣроятію этотъ Олеговъ походъ въ Суздальскую и Ростовскую землю дорого стоилъ Мономаху, и, кажется, хотя къ концу похода, не пріѣзжалъ ли онъ самъ въ Ростовъ, ибо около этаго времени въ поученіи его упоминается о путешествіи въ Ростовскую землю.

Наконецъ, въ 1097 году, составился общій съѣздъ Князей въ Любечѣ, въ которомъ участвовали всѣ главные представители княжескихъ родовъ Ярославова потомства: Святополкъ, Мономахъ, Давыдъ Игоревичь, Василько Ростиславичь, Давыдъ и Олегъ Святославичи. Замѣчательно, что съѣздъ былъ не въ Кіевѣ, куда такъ долго зазывали и не могли зазвать Олега и другихъ Князей. Это намекаетъ, что удѣльные князья или не довѣряли Святополку и Мономаху, или не хотѣли унизиться передъ Великимъ Княземъ и считали его почти равнымъ себѣ, каковымъ, кажется, и былъ Святополкъ. И такъ мысль Мономаха, сдѣлаться главою князей, не бывши Великимъ Княземъ, почти оправдалась, что еще яснѣе увидимъ въ послѣдствіи. На Любечскомъ съѣздѣ, послѣ долгихъ споровъ, рѣшились возстановить раздѣлъ Ярославовъ, и каждому роду возвратить свою отчину, т. е., Изяславову роду Кіевъ, Свя-

тославову Черниговъ, Всеволодову Переяславль, Игорю Владиміръ Волынскій со всѣми областями, причисленными къ этимъ удѣламъ еще Ярославомъ. Но, кажется, возстановленіе Ярославовой системы было только на словахъ; на дѣлѣ же всѣхъ больше выигралъ Мономахъ, за которымъ остались Смоленскъ и Новгородъ, не принадлежавшіе къ Всеволодову удѣлу; Великій же Князь, потерялъ Владиміръ Волынскій, по смерти Игоря причисленный было къ Изяславову роду, а теперь возвращенный Игореву сыну, Давыду; а также лишился Перемышля и Теребовля, уступленныхъ Володарю и Васильку Ростиславичамъ, отецъ которыхъ не имѣлъ участія въ Ярославомъ раздѣлѣ. Кажется, Мономахъ о Ярославовой системѣ вовсе не думалъ; а изъ того только хлопоталъ о Княжескомъ съѣздѣ, чтобы выгоднѣе помириться съ Святославичами и, съ общаго согласія, увеличить свой удѣлъ. Онъ видѣлъ, что Святополкъ — плохой ему помощникъ въ борьбѣ съ князьями Черниговскими, и что эта борьба будетъ безконечна, ибо умный и храбрый Олегъ, выгнанный изъ Руси, всегда могъ находить убѣжище въ своей отдаленной Тмутаракани и возвращаться оттуда на Русь съ новыми полчищами Половцевъ. Если бы Мономахъ думалъ вполнѣ возстановить Ярославову систему, то ему всего лучше было безъудѣльныхъ Ростиславичей, посадить въ Смоленскомъ удѣлѣ, который оставался безъ родоваго князя за прекращеніемъ Вячеславова потомства, или, по крайней мѣрѣ, отдать этотъ удѣлъ Святополку, въ вознагражденіе за уступку Перемышля и Теребовля, если бы Ростиславичи не захотѣли оставить этихъ городовъ. Не сдѣлавши же этаго, Мономахъ не прекращалъ междоусобій, а только перемѣнялъ враждующія партіи и пріобрѣталъ себѣ союзниковъ, вмѣсто слабаго Святополка, храбрыхъ и сильныхъ Святославичей, и еще болѣе утверждалъ за собою первенство между удѣльными Князьями, которое охотно ему уступали Святославичи, довольные видимо добровольнымъ возвращеніемъ ихъ отцовскаго наслѣдія.

Еще не всѣ князья успѣли разъѣхаться по домамъ послѣ Любечьскаго съѣзда, какъ междоусобія начались съ новою силою, и Мономахъ сдѣлался главою и защитникомъ удѣльныхъ князей противъ насилія Великокняжеской власти, и на его сторонѣ стали Святославичи. Святополкъ, будто бы по проискамъ Давыда Игоревича, всегдашняго союзника Ростиславичей, заманилъ въ Кіевъ Василька, князя Теребовльскаго, и ослѣпилъ его. Мономахъ съ Святославичами, естественно, возсталъ противъ такого насилія,

и началась жестокая война, продолжавшаяся три года и кончившаяся новымъ съѣздомъ въ Увѣтичахъ, на которомъ Святополкъ, Мономахъ и Святославичи были судьями, а Давыдъ Игоревичь подсудимымъ. Приговоръ судей рѣшилъ отнять у Давыда Владиміръ Волынскій, а въ замѣнъ его дать Черторыскъ, Дубенъ и Бужскъ, съ придачею 400 гривенъ, Ростиславичамъ же оставить одинъ Перемышль. Давыдъ принялъ приговоръ суда, но Ростиславичи не согласились.

Настоящихъ и главныхъ подробностей этой замѣчательной и важной для исторіи удѣловъ войны мы неимѣемъ; ибо древнѣйшій переписчикъ лѣтописи, вмѣсто умнаго разсказа Несторова, помѣстилъ здѣсь, понравившееся ему, сказаньице, какого-то словохотливаго Василя, нѣсколько участвовавшаго въ дѣлѣ и знавшаго многія частныя подробности, но рѣшительно не имѣвшаго понятія объ исторіи. Конечно, это сказаніе имѣетъ свою цѣну относительно мелкихъ подробностей; но оно рѣшительно не даетъ понятія о ходѣ цѣлой войны и до того перепутано, что нѣтъ никакой возможности доискаться въ немъ истины, и непреложно вѣрнымъ остается одинъ Увѣтичевскій съѣздъ, съ котораго опять начинается добросовѣстный и умный разсказъ Нестора. А посему разборъ описанія сей войны, какъ не принадлежащаго Нестору, не входитъ въ составъ настоящаго изслѣдованія. И я, вмѣсто произвольныхъ предположеній о ходѣ войны, нахожу болѣе сообразнымъ съ моею цѣлію показать предѣлы не-Несторовской вставки и разпутать тѣ недоразумѣнія, которыя она породила между позднѣйшими изслѣдователями Несторовой лѣтописи.

Вставка, не принадлежащая Нестору, очевидно здѣсь имѣетъ два источника: сказаніе Василя и какуюто краткую, неизвѣстную намъ, лѣтопись. Сказаніе начинается словами: „И приде Святополкъ съ Давидомъ Кыеву, и ради быша людье вси; но токмо дьяволъ печаленъ бяше.“ И продолжается до словъ: „Но даша ему Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володиміръ, и посади въ немъ сына своего Ярослава.“ Это сказаніе осязательно отличается отъ Несторовой лѣтописи, во 1-хъ безпорядкомъ происшествій и незнаніемъ хронологіи, чего не допускалъ Несторъ даже въ разсказахъ о древнѣйшихъ событіяхъ, и тѣмъ менѣе могъ допустить въ дѣлѣ, ему современномъ. На примѣръ, какъ можно согласиться, чтобы Несторъ, такой отчетливый въ показаніи времени, трехлѣтнюю войну втискалъ въ одинъ 1097 годъ, и къ концу разсказа ни съ того, ни съ сего, вдругъ напи-

салъ: „А на второе лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича," не упомянувши даже, куда они его вызвали. Во 2-хъ, самый слогъ сказанія обличаетъ другаго писателя, на примѣръ, у Нестора ни прежде, ни послѣ этаго сказанья, названія мѣсяцевъ нигдѣ ни переводятся съ Римскихъ на Русскія народныя, а здѣсь ноябрь названъ Груденъ: „бѣ бо тогда мѣсяцъ Груденъ, рекше ноябрь." Также слово *сколота* нигдѣ не употребляется у Нестора, а здѣсь прямо сказано: „Се Давыдова сколота;" или мы нигдѣ не встрѣчаемъ у Нестора словъ *любезнивъ* и *заступы*; а здѣсь о Мономахѣ говорится: „Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ;" или объ Уграхъ: „Угрнже исполчишася на заступы." Или, гдѣ найдемъ подобныя выраженія въ Несторовой лѣтописи: „И Бонякъ погнался сѣка въ тылъ, а Алтулопа възратяшеться вспять, и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлися на три полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ Галицѣ." Выраженія сіи такъ и просятся въ извѣстное слово о полку Игоревѣ. Изъ втораго источника въ вставкѣ помѣщены слѣдующія извѣстія: „Въ лѣто 6606 приде Володимѣръ и Давыдъ и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и въ прежнее лѣто сказахъ." И еще: „въ лѣто 6607 изиде Святополкъ на Давыда ко Володимерю, и прогна Давыда въ Ляхы. Въ сеже лѣто убіенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь, въ Володимери, мѣсяца Іюня въ 12 день." Сіи два извѣстія явно обличаютъ, что переписчикъ, выпустивши разсказъ Нестора, и не видя хронологическаго порядка въ сказаніи Василя, желалъ вознаградить этотъ недостатокъ новою вставкою, гдѣ повторяются сокращенно, съ указаніемъ лѣтъ, тѣ же происшествія, которыя описаны прежде. Эта новая вставка заимствована или изъ неизвѣстнаго намъ источника, или взята изъ Несторовой же лѣтописи, только сокращенно, можетъ быть, для того, чтобы не противорѣчить прежнему описанію.

Всѣ сіи непрошенныя вставки, изказившіе одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ Несторовой лѣтописи и, кажется, навсегда уничтожившіе возможность доискаться истиннаго порядка въ происшествіяхъ отъ 1097 до 1100 года, смутили многихъ позднѣйшихъ изслѣдователей о Несторѣ и привели къ мысли о какомъ-то перерывѣ, о томъ, что, будто бы, здѣсь именно одинъ лѣтописатель окончилъ свой трудъ, а другой началъ продолжать его, и вкратцѣ повторилъ подробныя извѣстія своего предшественника. Но

при болѣе внимательномъ изслѣдованіи дѣла открывается; что здѣсь вовсе не было перерыва, что Несторъ еще и не думалъ прекращать труда своего, что разсказъ объ ослѣпленіи Василька и о произшествіяхъ, бывшихъ, въ слѣдствіе этаго дѣла, есть точно такая же вставка, какъ и помѣщенное въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1096 годомъ поученіе Владиміра Мономаха. Вся разница состоитъ въ томъ, что поученіе переписчикъ лѣтописи помѣстилъ, неуничтоживши подлиннаго разсказа Несторова, и потому не заботясь извѣстій Мономаховыхъ приурочивать къ годамъ лѣтописи; сказаніе же Василя объ ослѣпленіи Василька и о послѣдующихъ событіяхъ, помѣщено переписчикомъ вмѣсто Несторова разсказа; а потому онъ былъ въ необходимости произшествія сказанія приурочивать къ годамъ лѣтописи, и сокращенно повторять въ хронологическомъ порядкѣ произшествія, только что разсказанныя безъ всякаго отношенія къ лѣтосчисленію. А что Несторъ еще не прекращалъ своего труда, сему лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ описаніе всѣхъ послѣдующихъ произшествій до 1110 года включительно; сравните сіи описанія со всѣми прежними разсказами Нестора, и вы найдете одинъ и тотъ же слогъ, одинаковый взглядъ на предметы и одинаковый порядокъ въ изложеніи; вы опять увидите Печерскій монастырь, который вовсе забытъ у Василья, опять прочтете новыя разсужденія о явленіяхъ и предзнаменованіяхъ, написанныя въ томъ же духѣ, какъ прежде; но не встрѣтите ни одной смѣлой и живописной метафоры, которыми такъ богато сказаніе Василя; не найдете также повтореній въ доказательствахъ, чѣмъ такъ изобильны продолжатели Нестора, какъ увидимъ послѣ. Пора, кажется, намъ отстать отъ мысли, что Несторова лѣтопись есть небольше, какъ жалкій сшивокъ какихъ-то частныхъ записокъ. Стоитъ только побольше углубиться въ лѣтопись, чтобы увѣриться, что Несторъ крѣпко постоитъ за свою самостоятельность и авторское достоинство. Кажется, уже наступило время проникнуться духомъ этаго писателя, а не скользить по одимъ словамъ и придираться къ ошибкамъ переписчиковъ, которыхъ, впрочемъ, сказать правду, очень не много.

Окончивши изслѣдованіе о чужихъ вставкахъ въ лѣтописи, обратимся къ разсказу Нестора, начинающемуся Увѣтичскимъ съѣздомъ. По описанію Нестора, въ 6608 году, „братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимиръ Давыдъ и Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца Августа въ 10-й день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася.... и приде къ нимъ Игорс-

вичь Давыдъ..... и сдумавше послаша къ Давыду мужи своѣ.... посланніи же придоша къ Давыду и рѣша ему: се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане вверглъ еси ножь въ ны, егоже не было въ Руськѣй земли; да се мы тебѣ неимемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ, шедъ сяди въ Бужьскѣмъ въ острозѣ; а Дубенъ и Черторыескъ, то ти дасть Святополкъ, а се ти даеть Володиміръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ. И тогда послаша слы своя къ Володареви и къ Василькови: „поими брата своего Василька къ собѣ, и буди ваю едина власть Перемышль, да аще любо, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василька сѣмо, да его кормимъ здѣ; а холопы наша выдайта и смерды." Вотъ результатъ трехлѣтнихъ междоусобій, которыхъ настоящихъ подробностей мы не знаемъ; но которыя, по своимъ послѣдствіямъ, явно клонились къ увеличенію владѣній Великаго Князя. Уветичевскій съѣздъ былъ какъ бы пополненіемъ Любечскаго соединенія въ пользу Святополка и къ явной обидѣ Давыда Игоревича; онъ окончательно рѣшилъ всѣ споры родовъ и на нѣсколько лѣтъ успокоилъ мятующуюся Русь и далъ ей время нѣсколько справиться съ Половцами. Послѣ сего съѣзда, въ продолженіи 32 лѣтъ, до самой кончины Мстислава Владиміровича, общія междоусобія не тревожили Руси, и родовые удѣлы, отмежеванные послѣднимъ съѣздомъ, не измѣняли своихъ границъ, и всѣ споры младшихъ удѣльныхъ князей рѣшались уже управою своихъ родначальниковъ, безъ вмѣшательства другихъ родовъ. Союзники, какъ бы опасаясь новыхъ переворотовъ, даже не погнались за удѣломъ Ростиславичей и, не смотря на явное несогласіе сихъ послѣднихъ съ рѣшеніемъ съѣзда, оставили ихъ въ покоѣ и устремили всѣ свои силы на внѣшнихъ непріятелей.

На слѣдующій же годъ, послѣ Уветичевскаго съѣзда, союзники съѣхались на новый съѣздъ на Золотчи, для разсужденія о внѣшнихъ дѣлахъ, и именно, о войнѣ съ Половцами, которые, узнавши объ этомъ, немедленно прислали посольство съ мирными предложеніями. Русскія Князья назначили Половцамъ, общій съѣздъ у Сакова, гдѣ и заключили миръ, въ которомъ приняли участіе всѣ Половецкіе и Русскіе князья и дали другъ другу заложниковъ. Но, вѣроятно, Половцы плохо соблюдали мирныя условія; и потому, черезъ два года, или даже меньше, Святополкъ и Мономахъ съѣхались на Долобьскѣ и обьявили походъ на Половцевъ, въ которомъ, по ихъ призыву, приняли участіе всѣ удѣльные князья и даже, Полоцкій владѣтель, Давыдъ Всеславичь; только Олегъ Свя-

тославичь и Ростиславичи остались дома; первый сказался больнымъ, а послѣднихъ, кажется, и неприглашали къ походу, можетъ быть, по тому, что они были во враждѣ съ прочими князьями послѣ Увѣтичевскаго съѣзда. Походъ этотъ, согласно планамъ Мономаховымъ, вполнѣ удался; Русскіе прошли за Днѣпровскіе пороги, разбили Половцевъ на голову, и возвратились домой съ богатою добычей, и Святополкъ вновь выстроилъ Юрьевъ, лѣтъ восемь тому назадъ сожженный Половцами. Изъ Несторова разсказа объ этихъ дѣлахъ видно, что на обоихъ съѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ Великимъ Княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, даже иногда явно противъ Великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его разпоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши Великимъ Княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и тоже время опорою Великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права, конечно, не стариннаго Ярославова, но позднѣйшаго, преобразованнаго сперва Святославомъ, а потомъ Всеволодомъ.

Между дѣлами противъ Половцевъ, принадлежавшими всѣмъ главнымъ княжескимъ родамъ, Несторъ помѣщаетъ четыре частныя событія. Смерть Всеслава Полоцкаго, сопротивленіе Ярослава Ярополковича Великокняжеской власти, планы Святополка для занятія Новгорода и войну Ярослава Святославича съ Мордвою. Смерть Всеслава Полоцкаго послѣдовала въ 1101 году; она произвела междоусобія въ его владѣніяхъ, которыя, впрочемъ, не имѣли общеРусскаго характера, и только одного изъ Всеславовыхъ наслѣдниковъ, Давыда, принудили вступить въ союзъ съ Ярославичами, и, въ послѣдствіи, подали поводъ симъ послѣднимъ вмѣшаться въ дѣла Полоцкія. Сопротивленіе Ярослава Ярополковича имѣло чисто частный характеръ и было прекращено Святополкомъ, который поймалъ измѣннически Ярослава и посадилъ въ темницу въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ. Это событіе замѣчательно потому, что служитъ прямымъ свидѣтельствомъ высшей власти родоначальника, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ главѣ своего рода; другіе же не имѣли право вступаться въ родовыя разправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и засаженъ въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно, не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву. Планы Святополка на Новгородъ были только частною его сдѣлкою съ Монома-

хомъ; а неудача этихъ плановъ указываетъ на самостоятельность правъ и силу Новгородцевъ, которыхъ послы прямо говорили Великому Князю: „Не хочемъ Святополка, ни сына его; ащели 2 главѣ имѣетъ сынъ твой, то пошли й.“ Въ этомъ отвѣтѣ очень мудрено предполагать участіе Мономаха, ибо ему не предстояло никакихъ выгодъ быть нарушителемъ мира, имъ же устроеннаго на Увѣтичевскомъ съѣздѣ. Война Ярослава Святославича съ Мордвою показываетъ, что удѣльные князья продолжали еще распространять владѣнія Руси на счетъ своихъ сосѣдей иноплеменниковъ, хотя и не всегда удачно; слѣдовательно, Русь еще не отмежевала себѣ опредѣленныхъ границъ и не отставала отъ попытокъ распространить свою власть и гражданственность на полудикихъ иноплеменниковъ; такъ, кромѣ войнъ съ Мордвою, мы знаемъ о войнахъ разныхъ удѣльныхъ князей этаго времени съ Ляхами, Ятвягами, Литовцами и Чудью, а сколько, можетъ быть, пропущено лѣтописцами, которые преимущественно обращали вниманіе на междоусобія и войны съ Половцами! Подъ 1104 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о бракахъ Володаревой дочери съ Константинопольскимъ царевичемъ, сыномъ Алексѣя Комнина, и Предславы, дочери Святополковой, съ Угорскимъ Королевичемъ. Сіи два брака указываютъ, что наши Князья не только великіе, но даже и удѣльные, были еще довольно въ близкихъ связяхъ съ иностранными Европейскими Дворами; за упоминаніемъ о бракахъ, у лѣтописца помѣщено извѣстіе объ участіи Ярославичей въ междоусобіяхъ Полоцкихъ, которые посылали свои войска, кажется, подъ начальствомъ Олега Святославича, противъ Глѣба Всеславича Минскаго, должно быть, въ защиту другихъ Всеславичей; но этотъ походъ какъ чужое дѣло, былъ безъуспѣшенъ, и войска возвратились домой ни съ чѣмъ.

Въ слѣдующіе три года Половцы опять стали тревожить Русскія владѣнія и доходили даже до Переяславля; встревоженные этимъ, Русскіе князья, свободные отъ междоусобій, общими силами предприняли новый походъ на Половцевъ, разбили ихъ подъ Лубномъ и гнали до Хороля; потомъ заключили съ ними миръ, причемъ Владиміръ женилъ своего сына на дочери Полоцкаго князя, Аэпы, сына Осенева, а Олегъ Святославичь женился на дочери другаго Аэпы, сына Гиргенева. Движеніе Половцевъ было, кажется, подстроено Ростиславичами, которые, конечно, опасались, чтобы старшіе князья, рано или поздно, не потребова

ли исполненія Увѣтичевскаго договора относительно Теребовля; на эту мысль наводитъ то обстоятельство, что настоящія движенія Половцевъ, преимущественно были ведены Бонякомъ, давнишнимъ союзникомъ Ростиславичей, и были направлены на владѣнія Святополка и Мономаха, главныхъ виновниковъ Увѣтичевскихъ мирныхъ статей.

Въ 1109 году Мономаховъ воевода, Дмитръ Иворовичь, ходилъ въ Половецкія степи до Дону и возвратился съ богатою добычею. А на другой годъ, весною, Святополкъ, Мономахъ и Давыдъ сами было собрались на Половцевъ, но, дошедъ до Воиня, возвратились. Вслѣдъ за тѣмъ Несторъ описываетъ явленіе, бывшее надъ Печерскимъ монастыремъ, 11-го Февраля, 1110 года. Это, кажется, было послѣднее извѣстіе сообщенное Несторомъ потомству; здѣсь остановилось перо Печерскаго отшельника, застигнутое смертію, или какимъ либо иноческимъ послушаніемъ. Вотъ послѣднія слова нашего лѣтописца: „Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть: на второе лѣто не се ли Ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, яко же рече: Ангелъ предъ тобою предидетъ, и пакы Ангелъ твой буди съ тобою.“ Этими словами оканчиваетъ свой списокъ лѣтописи и Игуменъ Сильвестръ, древнѣйшій переписчикъ Нестора, писавшій свою рукопись въ 6624 году. Продолженіе трактата о томъ же явленіи, помѣщенное въ Ипатіевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ, съ словъ: „Якоже пророкъ Давыдъ глаголетъ,“ ....до словъ: „исходящю сему лѣту 18,“ явно есть вставка, сдѣланная послѣ, что обличаютъ натяжки въ доказательствахъ, повторенія сказаннаго прежде и, наконецъ, безполезное многословіе, чего не терпѣлъ Несторъ. Что касается до дальнѣйшаго продолженія лѣтописи, то его рѣшительно нѣтъ возможности приписать Нестору. Во первыхъ, это доказываютъ большія разногласія въ спискахъ, Лаврентіевскомъ, Радзивиловскомъ и Ипатіевскомъ, въ чемъ ни какъ нельзя обвинять переписчиковъ, которые до 1110 года, не допускали же такихъ разногласій; во 2-хъ, повтореніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и формъ изложенія помѣщенныхъ прежде, на пр., Ипатіевской списокъ подъ 1111 годомъ повторяетъ, со всѣми, подробностями княжескій съѣздъ на Долобьскѣ, описанный у Нестора подъ 1103 годомъ; даже самая рѣчь Мономаха одна и таже, только въ Ипатіевскомъ спискѣ подновлена и безтолково распространена противъ помѣщенной у Нестора; или подъ 1113

2007096433